СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ 18+

ESPIAZIONE

Искупление

МАРИ МИЛАС

Мари Милас

Искупление

Серия «Грехи Чикаго», книга 2

https://litres.ru/74704808
SelfPub; 2026

Аннотация

Выйти замуж за наемного убийцу — сомнительное удовольствие.

Выйти замуж за Ахиллеса Аргиреса — решение, которое стоило бы обсудить с психотерапевтом.

Лавиния Делла Морте никогда не думала, что ее мужем станет человек, который однажды пытался убить ее. Однако на семью надвигается опасность, и союз с Аргиресами становится единственным способом защитить тех, кого она любит.

Вот только жизнь с Ахиллесом — сложное испытание. Особенно когда между ними вспыхивает притяжение, которому оба предпочли бы не поддаваться. Ведь гораздо проще держать палец на спусковом крючке, чем признать, что человек, которого мечтаешь уничтожить, заставляет твое сердце биться чаще.

Ахиллес давно научился жить с кровью на руках и не оглядываться на собственные грехи. Но прошлое, связывающее его с Лавинией, не желает оставаться погребенным. Теперь женщина, которую он однажды мог лишить жизни, становится его

женой. И, возможно, именно ей предстоит решить, заслуживает ли он искупления.

Содержание

Посвящается	6
Плейлист	7
Пролог	8
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	52
Глава 5	60
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	94
Глава 9	105
Глава 10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Искупление

Дорогой читатель, «Искупление» — вторая книга цикла. «Грехи Чикаго». История Лав и Ахиллеса может являться самостоятельной, но я бы рекомендовала начать знакомство с книги «Возмездие», чтобы лучше понимать взаимоотношения всех персонажей.

«Грехи Чикаго»:
1. «Возмездие»
2. «Искупление»

Так же в истории присутствуют пытки над детьми (за кадром), жестокие сцены и убийства, игра в футбол частью человеческого тела и черный юмор. Всем хорошего чтения и морально серого настроения!

Больше информации о серии, других книгах и дальнейших творческих планах автора можно найти в телеграм канале: Mari Milas

Посвящается

Моей нервной системе. И всем, кто мечтает обрести человека, который всегда будет выбирать вас и любое ваше настроение.

Плейлист

I WANNA BE YOUR SLAVE — Måneskin
How far down — Camylio
Gravity — Camylio
LOCA LA VIDA — Xolidayboy
Story of a Warrior — John Michael Howell
LOVE OF MINE — April Jai
Inside Voice — VOILÀ
FATE — Alan Walker, Ava Max
Ocean (feat. Khalid) — Martin Garrix, Khalid
You broke me first — Tate McRae
Beggin' — Måneskin
Take Me To Church — Hozier
HEAVEN'S ON FIRE — Johnny Huynh
L'italiano — Toto Cutugno
Electrified — David Kushner
Armed & Dangerous — Alfie Castley
Every Breath You Take — The Police
NEVERDIE — Xolidayboy

Пролог

Если на моем надгробии напишут: «Любимая сестра, которую регулярно хотелось придушить», знайте — текст придумывал мой брат.

Мы с ним были так же дружны, как две сколопендры, вынужденные существовать в одном вольере. Но, несмотря на все это, я любила его больше жизни. Потому что, честно говоря, жизнь не особо любила меня.

— Лавиния! — прогрохотал Энцо в динамике телефона. — Если ты еще раз сбежишь, то я лично прилечу в Грецию и утоплю тебя в Эгейском море.

— Во-первых, ты не сделаешь этого, потому что я единственный человек, который может терпеть твой отвратительный характер.

— Взаимно.

— Во-вторых, — продолжила я, не сбиваясь с ритма. — Я плаваю лучше, чем ты. Хорошей перестрелки, fratello!

Мой звонкий голос эхом отразился от скал, когда вызов оборвался.

Я засунула телефон в задний карман шорт, задев ножны на пояснице. Интересно, как много девушек в восемнадцать лет выходят из дома только с оружием? Необходима статистика.

Нога ступила на выемку в скале, мелкие камни осыпались и с характерным звуком плюхнулись в бушующее море. Я бы могла использовать пешеходную тропу, но было что-то особенное в том, как острые края впивались в ладони при подъеме. Мне оставалось преодолеть последнюю ступень, сотворенную природой. Большой каменистый порог нависал над головой, а за ним простиралась вершина, откуда открывался вид на ярко-голубое буйство моря.

По легенде именно с этой вершины спрыгнула небезызвестная богиня. Однако многие историки говорят, что это полная чушь, ведь если Афина и ступала на край этой скалы, то только для того, чтобы посмотреть вниз и усмехнуться смертным в лицо.

Я улыбнулась этой мысли. Сегодня я чувствовала себя именно так — немного богиней, немного самоубийцей.

Последний рывок. Пальцы вцепились в горячий камень, мышцы ног напряглись, и я вынырнула на вершину. Соленый и яростный ветер ударил в лицо, растрепав короткие темные волосы. Темно-вишневая прядь, которую я выкрасила только вчера, попала в рот и оставила сладковатый привкус оттеночного шампуня на языке.

Я выпрямилась, отряхнула ладони и сделала шаг к краю, откуда высота кружила голову. Подо мной бесновалось Эгейское море, разбиваясь о скалы белыми гребнями.

Не успела я вдохнуть полной грудью и насладиться тишиной, как в затылок уперся холодный металл. Не нужно быть

гадалкой, чтобы распознать дуло пистолета. Я с самого детства знала, как оно ощущается.

— Красивый вид, — раздался за спиной низкий и ленивый голос.

Все еще не подавая вида, что его ствол целует мою голову, я все же позволила себе вдох. Ни дрожь. Ни крик. Ни желание потянуться к ножу на пояснице. Просто вдох, опустившийся в легкие морским туманом.

Я все ждала, когда он выстрелит, как и предвкушала страх, который вот-вот должен разлиться по венам. Ведь должен? В конце концов, меня собирались убить. Разве я не должна верещать во все горло или хотя бы ради приличия нервно подергивать пальцами?

— Обещают шторм, — я рискнула поддержать светский разговор, находясь на грани смерти, и очень медленно повернулась.

Мужчина стоял так близко ко мне, что я могла почувствовать аромат цитруса и пороха, скорее всего въевшегося в его кожу. Бесспорно, я не была его первой жертвой.

Интересно, кто его послал?

Не так много людей было в курсе, что Лавиния Делла Морте на самом деле жива. Большинство шептались о ее могильном месте — одном из самых маленьких на кладбище Чикаго. В семь лет тебе еще не полагается большого гроба и ямы.

Мужчина поправил хватку на пистолете с глушителем,

приставленном мне ко лбу, и его кожаная перчатка скрипнула от натяжения. Он был высоким, в черной облегающей футболке и темных потертых джинсах, будто только что сошел со страниц дорогого триллера. Я могла различить острые линии лица и скулы даже под черной балаклавой, сохраняющей его анонимность. Как и могла утонуть в темно-карих, почти черных глазах, полных леденящего душу безразличия.

Как он мог? Как он мог не восхититься? Он стоял на шикарной скале с видом, от которого не хочется отрывать взгляд. Не говоря уже о том, что собирался убить красотку с классной задницей.

Сердце пропустило удар, но все еще не от страха. Скорее от осознания, что этого мужчину, как и меня, слишком сложно впечатлить или… испугать. Сладкая усмешка растянула губы, словно я обнаружила новый вкус мороженного в той лавке на окраине старого города. Энцо обычно терял всякий контроль и бросался ругательствами, когда видел ее на моем лице.

Мужчина напротив меня даже не приподнял бровь.

— Поздравляю, — сказала я, чуть повышая голос, чтобы ветер не унес слова прочь. — Ты первый, кто за последние четыре месяца сумел догнать меня. Все охранники просто плакались моему брату.

Мужчина чуть наклонил голову, изучая меня. Его лицо не выражало ни удивления, ни спешки, лишь демонстриро-

вало профессиональную оценку. Он был таким же хладнокровным, как змея.

— Лавиния Делла Морте, — произнес он тихо, но я расслышала каждое слово. — На этот раз придется тебя убить.

И только эти слова наконец всколыхнули что-то во мне. Я нахмурилась и сделала крошечный шаг назад. Край скалы уже предательски крошился под пяткой. Еще немного и гравитация решит все за нас.

— На этот раз? Хочешь сказать, что уже пытался? — парировала я, строя из себя дуру. Смерть шла по пятам за семьей Делла Морте, однако не всем выпадала честь на вторую попытку. — И ты всегда так долго разговариваешь с теми, кого собираешься убить? Не сочти за грубость, но ты не создаешь впечатление человека, который любит поболтать по душам.

Он сделал шаг ближе, нависнув надо мной, как гильотина. Господи, мужчина оказался огромным. Его тень полностью поглощала меня, не давая лучам солнца, пытавшимся пробиться сквозь тучи, обжигать лицо.

— Обычно я спрашиваю о последнем слове.

Ветер хлестнул сильнее, море внизу взревело, а я почувствовала, как край скалы под ногами снова раскрошился. Его взгляд скользнул по моему лицу и совершил путешествие на юг, опалив жаром ключицы, под которыми вырисовывался шрам от старого пулевого ранения.

На секунду — всего на одну, полную томящегося ожи-

дания секунду — в этих мертвых глазах мелькнуло что-то странное. Это не было сомнение, скорее наоборот… Мне показалось, это была уверенность либо в том, что он окрасит эту скалу кровью Лавинии Делла Морте, либо даже не спросит моего последнего слова.

Дыхание участилось от интриги, которую сохранял мужчина. Он мог выстрелить в любую секунду, и было что-то заманчивое в ведении с ним этого непринужденного разговора. Было что-то опьяняющее в осознании, что каждое следующее слово может закончиться пулей в лоб.

Адреналин прокатился по венам, как гром по небосводу прямо над морем.

— Итак, ты нарушишь свою традицию или узнаешь мои последние слова перед смертью? — слова хрипло сорвались с губ, пока кожа пылала под вниманием глаз этого убийцы.

Он скользнул языком по зубам. Сквозь прорезь в маске я могла различить его пухлые темно-алые губы. А между воротом куртки и краем балаклавы — замысловатые татуировки на латыни.

— Какими будут твои последние слова, Амазонка? — спросил он.

Я рассмеялась так звонко, как обычно смеются дети, когда сильно раскачиваются на качелях и ощущают тот волшебный кувырок в животе. Именно его я и почувствовала.

— А что насчет пари?

Кажется, я начинала его раздражать, потому что он зака-

тил глаза. И кто бы мог подумать, что огромный амбал может закатывать их так сексуально. Будет обидно, если я умру прежде, чем пофлиртую с человеком, который не испугается, как только узнает, что мой брат — дон Коза Ностры.

— Мы тут не в игры играем, — прогрохотал он, сильнее вдавив дуло в мой лоб, но все еще не выстрелив.

— Ну давай же, красавчик, не будь скучным, — протянула я.

— Чем ты занимаешься на досуге, раз приставленный к голове ствол кажется тебе скучным?

— О, ну знаешь, разными вещами. Иногда метаю ножи в жизненно важные органы, иногда крашу ногти и смотрю «Титаник». Зависит от настроения.

Возможно, у меня случилось помутнение рассудка или галлюцинации, но уголок губ моего будущего убийцы дрогнул в легком подобии улыбки. Это произошло так быстро, что я даже не успела точно рассмотреть.

— Так вот, — продолжила я, уперев руки в бедра. Мы наверняка выглядели очень странно. Он весь такой черный и крутой с пистолетом, и я в позе модели на подиуме Victoria's Secret. — Предлагаю заключить пари.

— Какое? — его рука впервые дрогнула. Видимо, от шока, что он действительно задал этот вопрос.

— Если через десять лет мы не найдем смысл в этой глупой жизни, полной придурков с пистолетами, то убьем друг друга.

Он выдавил из себя грубый саркастический смешок.

— Я могу убить тебя прямо сейчас.

Не было сомнений, что он сделает это. Он пах горечью цедры, а у меня была ужасная аллергия на цитрусовые. Я в последний раз посмотрела в его глаза, которые, кажется, посветлели. А может, просто над нами начали развеиваться тучи.

— Тогда сделай это, — прошептала я.

А потом просто оттолкнулась.

Оттолкнулась и прыгнула спиной вперед, раскинув руки, желая обнять весь этот безумный мир. Ветер взвыл в ушах. Земля исчезла. Последнее, что я увидела перед тем, как синева моря поглотила меня, — его лицо на краю обрыва.

Он все еще не стрелял.

Он просто смотрел на меня так, как не смотрел никто в моей жизни.

Легенда гласит, что с этой скалы прыгала Афина. Только вот она не могла умереть, потому что уже была бессмертной.

Глава 1
Лавиния

Пальцы подрагивали от желания прирезать моего профессора листом бумаги. Уверена, у меня получилось бы использовать острый край не хуже ножа. Ножа, который был в моей сумочке, однако Энцо запретил швыряться им в стенах университета.

Чертов зануда.

— Мисс Делла Морте, вы не хотите рассказать нам, как бы вы рассчитали вероятность успеха инвестиционного портфеля при наличии нескольких рискованных активов?

Ну почему? Почему я должна была отвечать на эти идиотские вопросы, а не вести такую же красочную жизнь, как мои кузены? Они наверняка сейчас гонялись за каким-нибудь должником, чтобы притащить его в один из наших подвалов.

Нет, я обязана сидеть в этой скучной аудитории, потому что Делла Морте — это не только головорезы, но и люди высшего общества с острым умом. Так говорил Энцо.

Nonna[1], переводя на скучный английский — моя прекрасная бабуля, тоже старалась придерживаться этой мысли, но

[1] Nonna — бабушка (итал.).

простреленный потолок в нашей столовой доказывал обратное.

Большинство дней в году я тоже старалась быть адекватной. Даже посещала благотворительные мероприятия, где в кругу жен миллиардеров блистала знанием французского языка. Ведь хоть где-то он должен быть полезен, верно?

— Мисс Делла Морте, у вас все в порядке со слухом? — сморщенный, как ядовитый гриб, старик снова посмотрел на меня сквозь толстые линзы очков.

— Stronzo[2], — тихо выругалась я и поднялась с места, ненавидя тот факт, что обязана присутсвовать на этом дополнительном занятии в конце лета из-за несданной курсовой.

— Что, простите? — нахмурился он.

— Профессор, у вас точно все в порядке со слухом? — я приподняла бровь, надеясь, что меня отчислят из этой богадельни.

Профессор покраснел и вытер лысину носовым платком. За окном уже бушевал холодный ветер, сигнализирующий о приближении осении, но этот человек потел вне зависимости от погоды и сезона.

— Я жду ответ, или провожу вас к декану.

«Пожалуйста, сделай это».

Вместо этого я откашлялась и вспомнила вопрос. Как бы я ни ехидничала и ни злилась, мне требовалось закончить

[2] Stronzo — мудак, придурок, ублюдок (итал.; грубое ругательство).

обучение. Энцо слишком много вложил в меня, чтобы я наплевательски относилась к его требованиям. А ему важно, чтобы у меня было образование. Нормальное образование, а не только знания о том, в какие места можно стрелять, чтобы пытать, но не убивать.

Таких, кстати, существовало не так много. Я знала их наизусть, как таблицу умножения: мягкие ткани плеча — боль адская, а артерию задеть почти невозможно; мышцы бедра — вопль стоит такой, что позавидовали бы все сопрано мира; икроножная мышца — идеально, чтобы обездвижить; предплечье, подальше от кости — легкий драматичный эффект; ягодица — унизительно и очень больно; боковая часть голени, чтобы пощекотать нервы. И мой личный фаворит — ямочки над и под ключицей — красиво и кроваво.

Именно в этом месте у меня самой был след от пулевого ранения.

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания о семейных «уроках», и вышла к доске. Профессор смотрел на меня так, будто не знал, чего от меня ожидать. К слову, временами я сама не знала, на что способна.

— Итак, вероятность успеха инвестиционного портфеля при нескольких рискованных активах, — начала я спокойно. — Все просто. Это как играть в покер против трех-четырех противников одновременно.

В аудитории стихли перешептывания и шелест бумаг. Даже те, кто обычно дремал, приподняли головы.

— У вас есть рука, полная карт — ваш портфель. Каждый рискованный актив — это отдельная карта на столе. Вы не знаете, что выпадет дальше, но можете просчитать.

Я взяла маркер и быстро набросала на доске:

— Допустим, у вас четыре актива. Два относительно надежных (как тузы), а два — полные спекуляции разных мастей. Чтобы посчитать общую вероятность успеха, вы оцениваете не только шансы каждого по отдельности, но и то, как они коррелируют. Если все они рухнут одновременно — это как когда на ривере приходит дро[3], которое бьет сразу весь стол.

Я повернулась к профессору и даже улыбнулась, когда вошла в азарт. Ладно, было что-то манящее в этих знаниях.

— Успешное значение в экономике считается точно так же, как в покере. Вы смотрите: сколько я могу выиграть, если дойду до конца, и сколько потеряю, если проиграю. Если значение положительное — вы продолжаете инвестировать. Если отрицательное — фолдитесь и сохраняете стек[4]. Мой брат всегда говорит: «Лучше жить с меньшим банком, чем умереть с большим».

---

[3] Ривер — последняя, пятая общая карта в холдеме, которую открывают на столе после флопа и терна. Дро — незавершенная комбинация, которой не хватает одной карты для усиления (например, одной карты до стрита или флеша). Фраза «на ривере приходит дро» означает, что последняя общая карта закрывает чье-то дро, позволяя сопернику собрать более сильную комбинацию.

[4] Фолдиться — сбрасывать карты и отказываться от дальнейшего участия в раздаче; стек — количество фишек, имеющихся у игрока.

Профессор Харгривс моргнул, усердно переваривая мой бандитски-покерный жаргон, и медленно кивнул.

— Неожиданно глубокий ответ, мисс Делла Морте. Хотя аналогия с казино… — протянул он, продолжая полировать лысину, — несколько своеобразная.

Вся моя жизнь несколько своеобразная.

Легкой походкой я направилась на свое место под аккомпанемент стука своих любимых туфель Yves Saint Laurent. Это не каблук, а произведение искусства.

Когда я опустилась на стул, на телефоне высветилось сообщение от Энцо.

Fratello: *Аргиресы назначили встречу. Ты должна там быть через два часа.*

Я замерла.

Во-первых, меня раздражала лишь одна эта фамилия.

Во-вторых, Энцо брал меня на встречи только в крайнем случае. И внутреннее чутье подсказывало, что надвигается буря.

Я быстро собрала вещи в сумку и выбежала из аудитории под крик:

— Делла Морте, завтра утром к декану.

Ура! Я еле сдержалась, чтобы не выбросить вверх кулак в порыве радости.

Мои шаги гулко разносились по пустым старинным коридорам. Университет Чикаго в Хайд-парке представлял собой классический элитный кампус в английском готическом сти-

ле: высокие каменные здания с башенками, арками и горгульями, красивые квадрангли с могущественными деревьями и настоящим ботаническим садом. Все выглядело как Оксфорд или Кембридж, только в американском исполнении — величественно, помпезно и немного пугающе.

Я толкнула тяжелую деревянную дверь и вышла на главный квадрангль. Холодный ветер с озера Мичиган растрепал темные волосы с вишневым отливом. Каменные горгульи сверху словно ухмыльнулись моей новой прическе, и я показала им средний палец. Эти статуи раздражали меня до смерти.

Набросив кожаный жакет на плечи, я быстро набрала Энцо.

— Я не просил мне звонить, — проворчал он, а на заднем фоне затявкал его щенок Ромео.

Я подавила смешок. Меня все еще веселило, что мы с его женой Бьянкой настояли на том, чтобы взять из приюта щенка.

— Как наш малыш? — не удержалась от вопроса. Слишком мало вещей в жизни я считала очаровательными, но этот маленький доберман был лучиком солнца.

— Все прекрасно, дорогая кузина, спасибо, что спросила! — прокричал Дарио в трубку.

Дарио Руссо был младшим боссом и полным идиотом двадцать четыре часа в сутки, но почему-то никто из нашей семьи все еще не прикончил его. Я услышала, как Энцо дал

ему подзатыльник.

— Дарио, если ты относишь себя к малышам, которые еще не приучены к туалету, то да, я обращалась к тебе.

Энцо никак не прокомментировал нашу перепалку и продолжил:

— Что ты хотела?

— Что я хотела? Ты пишешь мне о том, что Аргиресы назначили встречу, и больше не даешь никаких подробностей. Почему я должна быть? Где мы встречаемся? Нужно ли брать оружие? Кто еще с нами будет? Бьянка идет? — выпалила я и удержалась от единственного вопроса, который хотела задать больше всего: *«Будет ли он?»*

Человек, чья семья много лет назад похоронила Делла Морте. Человек, который, по неизвестной мне причине, имел честь тратить кислород на нашей планете.

Тяжелый вздох Энцо стал единственным ответом. Потом донеслось какое-то шуршание и ворчание:

— Ромео, я сказал, что тебе запрещено сидеть на моем стуле. Дарио, к тебе это тоже относится.

— Возможно, у них все же много общего, — протянула я.

— Я скину тебе адрес.

На этом мой немногословный брат сбросил звонок и оставил меня с ворохом неотвеченных вопросов. Я опустила взгляд на влажный от утреннего дождя асфальт и свои туфли. Подойдут ли они для этой встречи?

Аргиресы относились к внешнему виду как к чему-то

незначительному. В этом был свой шарм, но мне нужно понимать, насколько официально я должна выглядеть и сколько оружия могу спрятать под тем или иным платьем.

Мы шли в логово зверей, которые могли напасть по велению любого человека, который заплатит деньги. Они уже сделали это однажды, и будь я проклята, если позволю им еще раз причинить вред моей семье.

Рука потянулась к ножнам раньше, чем я полностью осознала, что за мной наблюдают. Я прижала ладонь к рукоятке ножа, готовая действовать.

Кожа на затылке неприятно покалывала. Еще с детства я уяснила, что это ощущение означало: «Ты на прицеле». Я медленно повернула голову, обводя взглядом главный квадрангль. Готические арки отбрасывали длинные тени, а старые деревья тихо шумели в объятиях ветра Мичигана. На улице не было ни одной живой души, только горгульи продолжали скалиться с высоты.

Но я знала — это не паранойя.

Телефон в кармане жакета завибрировал, и я медленно достала его одной рукой, продолжая удерживать вторую на ноже.

Неизвестный: *Ты все еще прыгаешь со скал, Амазонка?*

Сердце замерло в груди на долгие секунды, показавшиеся вечностью. Я резко оглянулась и проследила взглядом все аллеи, по которым гулял туман.

Пальцы крепче сжали рукоять ножа, пока мозг осознавал

происходящее. Прошло больше трех лет с того дня на краю скалы в Греции. Больше трех лет, как незнакомец в маске наблюдал за моим погружением в море, а потом исчез, словно его никогда не существовало. Ни звонков. Ни следов. Ни новых покушений.

И вот теперь это.

Я быстро набрала ответ:

Лавиния: *Кто это?*

Не так много людей за всю мою жизнь называли меня Амазонкой, так что вопрос скорее был риторическим. И все же… Я так и не выяснила, кем был тот человек на скале. Возможно, если бы я рассказала о случившемся Энцо, он бы вычислил его быстрее, чем наступил следующий день. Однако мне хотелось сохранить это в тайне. Воспоминания об этом событии странным образом заставляли меня чувствовать себя всесильной. Бессмертной.

Три точки на экране появились так же быстро, как и исчезли. Потом пришло сообщение.

Неизвестный: *Тот, кто до сих пор так и не смог убить тебя.*

Мурашки пробежали по спине от осознания, что в моей голове прозвучал его призрачный голос. Возможно, за все время воспоминания исказились и в нем появились иные ноты, но тембр все еще грохотал где-то внутри меня.

Не успела я набрать следующий ответ, как в тишине кампуса раздался низкий звук — гортанный рев двигателя. Я

сразу же поняла, что это мотоцикл. Звук приближался откуда-то со стороны боковой аллеи, а потом резко начал удаляться.

Я рванула в ту сторону, стуча каблуками по мокрому асфальту. Когда выскочила за угол, увидела только выхлопной дым, оседавший в тумане. Черный мотоцикл уже на приличной скорости исчезал в направлении выезда из Хайд-парка. Водитель в кожаной куртке и шлеме удалялся с каждой секундой.

Он не оглянулся.

Но я уверена — он знал, что я смотрю.

Глава 2
Лавиния

Пришло время признать, что парковка — не моя сильная сторона.

Диски мерседеса заскрежетали о бордюр, когда я пыталась выровнять машину около тротуара. Концентрация внимания была на пике, но стук в окно испугал меня до чертиков. Я вскрикнула и резко затормозила, чуть не влетев лицом в руль.

За окном стоял Марко, жестом показывающий опустить окно или вылезти из машины.

— Я отлично справляюсь, — я попыталась пролезть в щелочку, потому что не смогла открыть дверь сильнее, не впечатав ее в бордюр.

Консильери и по совместительству один из лучших друзей Энцо нахмурился так сильно, что я решила организовать нам с мальчиками день в спа. Их коже требовался тщательный уход после всех этих суровых взглядов.

— Выкрути руль и сдай вперед или вылезай через пассажирское сиденье, — в темных волосах Марко застрял лист, принесенный ветром, и он раздраженно сбросил его.

Что ж, у меня бывали ситуации похуже. Например, когда

я выбиралась через багажник. Однако в этот раз я не собиралась сдаваться и, решительно захлопнув дверь, принялась за работу. Машина взревела, каблук соскочил, и нога слишком сильно нажала на педаль газа.

— Чертовы машины, — проворчала я, потому что мои шпильки, очевидно, были ни при чем.

Мне удалось вырулить и даже не задеть впереди стоящий бентли Рафа, еще одного младшего босса Энцо.

Видимо, наша встреча действительно не была так проста, раз мой брат притащил сюда весь свой щенячий патруль.

Я перевела дыхание и наконец-то вышла из этой идиотской машины. Марко снял пиджак, бросив его мне в лицо, и еле втиснулся на водительское сиденье, которое было придвинуто так близко к рулю, что буквально стало с ним одним целым.

— Чем здесь пахнет? — поморщился он, опустив окно и ловко припарковав мой мерседес.

— Сейчас уже твоим тестостероном, но секунду назад — деревом амбры, — я надула и лопнула пузырь из жвачки.

Раф появился рядом, как черт из табакерки, и протянул ко мне ладонь.

— Плюй, — скомандовал он.

Я приподняла бровь.

— Ты мой кузен, Рафаэль, как тебе не стыдно! — притворно ахнула я.

— Господь, Лавиния, ты попадешь в ад, — простонал он,

проведя рукой по темно-каштановым волосам.

Я сплюнула жвачку в его ладонь, и он спрятал ее в свой шелковый нагрудный карман с вышивкой позолоченными нитями. Уверена, теперь он его сожжет, а потом еще и помоет руки отбеливателем. Удивительно, как он оставался воплощением стиля со своими дизайнерскими костюмами и приверженцем чистоты, когда мог вырывать людям ногти.

— Где Энцо?

— Едет, — Марко бросил в меня ключи от машины и забрал свой пиджак. — Рафаэль, нужно купить ей машину, которая сможет сама парковаться. И ездить.

— Думаю, легче лишить ее машины. Говорят, метро очень бодрит.

Марко задумчиво провел по шраму, пересекающему его скулу.

— Как вариант.

— Эй! — я топнула ногой в своей лучшей истеричной манере. — Я вообще-то вас слышу, придурки.

Они синхронно бросили на меня взгляд и вернулись к обсуждению «машинного» вопроса. Затем Марко сконцентрировался на наушнике в ухе и отчетах о солдатах, которые, скорее всего, оккупировали весь квартал.

Энцо вместе с женой появились спустя пару минут. По Бьянке было видно, что она переживает, хоть ее лицо и оставалось беспристрастной маской. Годы жизни под крылом мудака-отца научили ее прятать страх не хуже любого бойца.

Энцо в успокаивающем жесте провел ладонью по пояснице Бьянки, а она подарила ему мягкую улыбку, от которой плечи брата расслабились.

Было что-то завораживающее в том, как эти двое могли общаться друг с другом без слов. Я прочистила горло, чтобы избавиться от странных эмоций. Это не было ревностью, ведь было бы глупо не желать Энцо счастья, когда он подарил мне каждую частицу любви, которая теплилась в его груди после гибели наших родителей.

Я скорее испытывала… зависть. Добрую, но зависть.

— Идем? — спросила я, когда Энцо поприветствовал меня поцелуем в лоб.

Его черные, как и у меня, волосы слегка упали на лоб, и ветер тут же вернул их обратно в идеальную укладку. Глаза брата пристально осмотрели улицу и ресторан перед нами.

Я тоже напряглась и перешла в оборонительный режим, когда заметила движение за огромными панорамными стеклами. Этот ресторан находился на нейтральной территории, но любой мафиозный клан Чикаго знал, что Аргиресы контролируют каждую птицу, пролетающую в этом квартале.

— Вам стоит расслабиться, — Бьянка сжала руку Энцо и ободряюще улыбнулась. У меня были подозрения, что эта женщина могла успокоить стаю пираний, почувствовавших кровь. — В приюте они вели себя вполне прилично. В отличие от Рафа, который направил на Ахилла пистолет.

— Клянусь, ты бы посчитала приличным даже террори-

ста-смертника, — проворчала я.

Воспоминания о недавней встрече с этой сумасшедшей семейкой в приюте для животных, куда меня притащила Би, все еще были свежи в моей памяти. Хотелось, чтобы Раф все же прострелил голову Ахиллесу Аргиресу, чтобы его раздражающее существование не заставляло мой глаз дергаться. Или глаза. Ведь, в отличие от него, их у меня было два. В прочем, эту деталь обсудим чуть позже.

В ресторане было тише, чем в морге, но пахло, на удивление, не трупами. В воздухе витал приятный аромат цитрусов с горечью апельсиновой цедры. Мы прошли в главный зал, где за овальным столом восседал отряд наемных убийц или семья Аргирес.

Эти люди имели на счету множество человеческих жизней. Включая моих родителей. Может, их кодекс, гласящий, что «дети — беззащитные лучи солнца», и не позволил четырнадцать лет назад убить нас с Энцо, но это никак не обеляет их.

Была ли я лицемеркой, осуждающей их деятельность? Возможно. Моя семья тоже не славилась соблюдением всех господних заповедей, убивая направо и налево, но я не могла снять белое пальто, когда думала, что именно руки Аргиресов лишили меня ласковых поцелуев мамы и крепких объятий отца.

Бьянка толкнула меня бедром, словно читая мысли и как бы напоминая, что все сложнее, чем выглядит на первый

взгляд. Ведь убийство моей семьи было заказным, и Аргиресы стали лишь инструментом.

Вот такой вот каламбур.

Сквозь пелену ненависти я не заметила, как мы расселись за столом и Энцо начал разговор, используя свои лучшие навыки дипломатии. Я качнула головой, быстро осмотрев присутствующих.

Арес Аргирес, глава семьи, выглядел так, как если бы смерть уже стояла у него за плечом и нетерпеливо нашептывала на ухо. Последние годы он не выходил в свет. Да и в тень, судя по всему, тоже не выходил, учитывая, что восседал в инвалидной коляске. Он скорее… выезжал? Я приложила пальцы к губам, чтобы стереть усмешку от этой нелепости.

Арес выглядел бледным, осунувшимся, но это все еще не стирало этого раздражающего хищного блеска в его глазах. Рядом с ним расположились его дети-убийцы. Никс, младшая дочь, была прекрасной, как ангел, и взрывоопасной, как ментос с колой. О Гелиосе, среднем сыне, я знала лишь то, что он входит в первую десятку претендентов на победу в номинации «Головорез столетия».

Это вам не Forbes, конечно, но тоже достаточно солидно.

Кто первый в этом топе?

Я бы сказала, что мой брат, но как бы ни было горько признавать, у Энцо существовал конкурент.

Ахиллес Аргирес. Он же старший сын и правая рука.

Я могла поклясться, что мои зрачки сузились, как у реп-

тилии, когда взгляд нашел этого ублюдка. Ахиллес уже смотрел на меня с такой интенсивностью, что захотелось выбить ему зубы. Придурок, к слову, обладал идеальной улыбкой, словно наведывался к дантисту каждый квартал. Не то чтобы этот человек часто улыбался, нет, он скалился, как бешеный пес.

Если говорить о внешних данных, то Аргирес действительно слегка отличался от мужчин, которые обычно вились вокруг меня. Его чернильные волосы были коротко, по-военному подстрижены, а не уложены прядь к пряди. Лицо покрывала трехдневная, а то и пятидневная темная щетина, добавляющая шарма подранной футболке и потертым джинсам. Мужчина выглядел так, будто оделся на помойке, но в то же время сошел с обложки журнала, посвященного бандитской моде.

Ахиллес обладал божественным именем и внешностью дьявола. И если у греческого персонажа слабым местом была пята, то этот человек решил, что лишиться глаза — намного круче.

Половину его лица украшал огромный шрам, пересекающий правую глазницу, прикрытую кожаной повязкой, как у чертовой «Черной бороды». Не удивлюсь, если он участвовал в кастинге «Пиратов Карибского моря» просто чтобы лишний раз помахать холодным оружием.

К слову, Аргиреса, кажется, это ничуть не смущало. Возможно, потому что он составлял конкуренцию старухе с ко-

сой и не слишком беспокоился о внешнем виде.

Энцо и Ахилл обсуждали вопросы, связанные с операцией «придуши Эрика Торна», над которой работали вместе и пока даже ни разу не выстрелили друг в друга. Бьянка нервно теребила темные волнистые волосы, ожидая подробностей о делах своего отца.

Обезглавливание Эрика Торна я хотела видеть так же сильно, как падение клана Аргиреса. Именно сенатор Чикаго заказал покушение, которое четырнадцать лет назад отправило меня и Энцо в тень, а родителей — в могилы.

Вот тут и появился вопрос о виновности убийц. По сути, они просто выполняли заказ. Но жизнь людей не чертова пицца. Из нее нельзя достать все колбаски-пепперони просто потому, что так приказал какой-то парень с деньгами.

Черт, кажется, я голодна.

У Аргиресов имелись свои претензии к Торну. Ублюдок сдал их ФБР, как только они выполнили заказ, и теперь член их семьи отбывал пожизненный срок. Вот такой вот сериал. Весело, скажите?

Ахилл небрежно достал из нагрудного кармана куртки флешку и одним движением запустил ее по столу. Мы все приковали к ней взгляд, как к бомбе.

— Что это? — напряженно спросил Энцо.

Все время, пока мы сидели за этим столом, его рука время от времени невзначай касалась пистолета в нагрудной кобуре. Может, Ахилл и согласился на временное сотрудниче-

ство с Делла Морте, но доверия явно не заслужил.

— Надеюсь, там порно, а не какой-то компромат для манипуляции, — я постучала ногтем по столу.

— Если бы это было порно, тебе бы оно понравилось, agapi mou, — отозвался Ахилл голосом, которым мог раздеть монашку.

Мудак.

Рука Энцо дернулась, и я знала, что он мечтает схватить пистолет, просто чтобы успокоиться.

— Не смей обращаться ко мне ласково на греческом. Ты меня бесишь даже на английском, — хмыкнула я.

— Я на всех языках одинаково раздражающий, — безэмоционально признал он.

— Зачем тебе моя сестра? — нетерпеливо спросил Энцо. У моего брата было не так много слабых точек, на которые можно надавить. И обе эти точки сейчас сидели рядом с ним: Бьянка и я.

И, видимо, Энцо обладал лучшей интуицией, чем я, раз задал этот вопрос. Почему он думал, что Аргиресы что-то хотят от меня?

Гелиос посмотрел на Никс так же озадаченно, как и ощущали себя многие присутствующие здесь. Однако удивило другое: Арес Аргирес и Ахилл даже не повели бровью при вопросе Энцо. У них был какой-то план, в который они даже не посвятили членов своей семьи. Интересно.

— Думаю, сначала я расскажу, чем Торн смог нас удивить,

— ответил Ахилл, переведя взгляд на Бьянку.

Я вполуха слушала о мерзких делишках Торна, сдерживая рвотные позывы, и продолжала прикидывать варианты развития дальнейших событий. Из нас двоих Энцо считался лучшим стратегом, но и я не была дурой. Если Аргиресы пригласили нас всех, чтобы провести переговоры, то присутствие Энцо ясно как день, Бьянка нужна, чтобы стать оружием против отца, а я… Что им нужно от меня?

Взгляд снова нашел флешку, а затем темный взгляд Ахиллеса, который смотрел на меня, как на добычу.

Моя ладонь вспотела и оставила влажный отпечаток на глянцевом столе. Исходя из разговора Энцо и Ахиллеса, стало ясно, что флешка — ключ к падению Торна. И за этот ключ, как я догадывалась, придется заплатить.

И, кажется, ценой была горячая брюнетка, носившая туфли Yves Saint Laurent.

— Что ты хочешь за этот материал? — спросил Энцо как можно более расслабленно, но к этому времени я уже могла бы поставить все свои деньги на то, что мы оба знали ответ.

Взгляд Ахиллеса лишь на мгновение опалил мое лицо, будто я была такой же незначительной, как гортензия на окне.

— Лавинию.

Энцо медленно выдохнул через нос, чтобы сохранить подобие контроля.

— Повтори.

— Я хочу брак с твоей сестрой, — Ахиллес либо был тупым, либо самоубийцей.

Гнев нарастал во мне с каждым его словом. А это невозмутимое лицо, с которым он небрежно сообщал о желании вступить в институт семьи, подливало масло в огонь моей темпераментной итальянской сущности.

— А я хочу подвесить тебя за яйца, но мы не всегда можем осуществить свои желания, — брат стиснул челюсти, едва не раскрошив зубы.

Арес откашлялся и заговорил хрипло, но уверенно:

— Мы согласны на союз между домами Аргирес и Делла Морте, о котором ты просил, — он не сводил глаз с Энцо. — Официальный. Не просто взаимовыручку, а кровное родство. Моя семья не в лучшем положении, твоя тоже. Это отличное время для укрепления позиций.

Ахиллес умудрился подмигнуть мне своим инвалидным глазом, и мое терпение лопнуло, как дешевая резинка. Я выхватила свой любимый нож и запустила его в ублюдка. Моя меткость могла составить конкуренцию олимпийским лучникам. И все же Ахиллес перехватил клинок одним движением ровно за миллиметр от своего здорового глаза.

Его брат Гелиос с весельем отодвинулся от стола.

— Ты охренел, — выплюнула я с такой яростью, что чуть не захлебнулась ей. — Если думаешь, что можешь претендовать на женщину, в которую стрелял, когда она была ребенком, то ты еще больший придурок, чем я думала.

Я допускаю мысль, что шестнадцатилетний подросток вряд ли хотел подстрелить ребенка, потому что сам оставался *ребенком*, и все же… Мой шрам под ключицей являлся отличным напоминанием о том, что пулю в меня выпустил именно он.

В зале повисла минутная тишина, пока все либо обдумывали слова, либо прикидывали план на случай перестрелки.

— Нет. Я не отдам свою сестру.

— Ты же не дурак, Делла Морте, — вновь заговорил Арес. — Ты прекрасно понимаешь, что произойдет после того, как ты снесешь Торна.

Мы продолжали сохранять молчание, желая выслушать эти нелепые аргументы.

— Начнется игра на перегонки. Русские, мексиканцы, кубинцы, парочка семей из Нью-Йорка с удовольствием впишутся в Чикаго. Особенно если кто-то сольет им твои слабые места.

— У меня нет слабых мест, — заявил Энцо, но даже я знала, что они у него есть.

— У тебя есть жена, — продолжал давить Арес. — Есть сестра. Есть люди, которые прикрывают твою спину и твой дом, пока ты играешь в вендетту. Я предлагаю тебе не только информацию. Я предлагаю тебе мои ресурсы, родство с лучшей семьей наемников и связи в Европе.

Энцо послал им саркастичную усмешку.

— И все это в обмен на Лав? Щедро, но она не продается.

Она — моя семья, а не дипломатический подарок.

— Я не собираюсь принуждать ее, — Ахиллес снял кожаную куртку и сложил мощные татуированные руки на столе. Греческие руны и красивые слова на латыни украшали его кожу. — Я не Торн и не те ублюдки, которые заключают сделки, продавая дочерей как товар. — Он подался вперед и посмотрел на меня взглядом, который был у пантеры перед тем, как растерзать жертву. — Я хочу союз. И да, он мне удобен. Да, он усилит мою семью. — Все его тело напряглось, когда Арес начал задыхаться от кашля. — Но я не идиот, чтобы силой тащить в дом женщину, которая будет мечтать выколоть мне второй глаз.

Арес Аргирес с трудом дышал и продолжал сотрясать стены кашлем туберкулезника.

— Иисусе, Гелиос, сделай что-нибудь, — бросил Ахилл брату, и его невозмутимая маска лишь на мгновение соскользнула, открыв всем присутствующим мужчину, который, кажется, не спал последние лет десять, а то и больше.

Что на самом деле представляла из себя могущественная семья Аргирес? Как много трещин было в их броне, раз им впервые за все время их существования требовался дипломатический брак? Насколько легко мне бы удалось разрушить их, оказавшись внутри?

Пока Гелиос ухаживал за отцом, настраивая его кислородные трубки, в моей голове кружились мысли. Губы дрогнули в сладкой улыбке, как только зерна мести проросли и сфор-

мировались в план.

Ахилл продолжил спокойным, собранным голосом:

— Поэтому я говорю с тобой. Не как с человеком, который «отдаст» мне сестру. А как с мужчиной, который знает, что его мир — плохое место для женщины с фамилией Делла Морте. Как и с фамилией Аргирес. Поверь, я не настолько альтруистичен, чтобы желать защиты для твоих женщин. Я в первую очередь хочу обезопасить свою семью.

Точно, как я могла забыть… Малышку Никс недавно похитил еще один психопат нашего мира. Андре Романо, дон Каморры, уступал в жестокости лишь Тедду Банди и мстил Аргиресам. Несмотря на то, что в настоящие дни Никс была в безопасности, это не отменяло того, что ситуация могла повториться. Учитывая… очевидные прорехи в броне Аргиресов.

Господи, да это же просто идеально. Если поначалу предложение Ахиллеса казалось диким, то сейчас проглядывались плюсы. Я бы могла прикончить Аргиресов и придушить Ахиллеса во сне, просто став его женой. Неужели Энцо не думал о том же?

— Твоя проблема не во врагах, — подал голос глава семейства, когда отдышался. — Ты умеешь убивать и договариваться. Но не умеешь отпускать. Ни людей, ни власть, ни обиды. Этому нужно научиться, чтобы выжить в мире, полном каннибалов. Ты думаешь, — Арес чуть качнул головой, — что, если будешь держать их ближе, они будут в безопас-

ности. — Он посмотрел на нас с Бьянкой. — Но такие женщины становятся либо оружием, либо заложниками, либо мертвецами. Вопрос только в том, кто первым решит их использовать и отправит на дно озера Мичиган.

Нужно отдать ему должное: он был чертовски прав.

Я всегда твердила, что могу постоять за себя. Энцо с детства уделял большое внимание безопасности, и это включало в себя обучение боевым искусствам и владению оружием. Однако я понимала, что рано или поздно за мной могут прийти, чтобы поквитаться с Коза Нострой. И когда за мной придет огромный головорез с мачете наперевес, то мне не поможет даже сила божья.

— Не думаю, что родство с вашей семьей принесет мне бонусные очки в глазах тех, кто спит и видит падение Делла Морте, — холодно сказал Энцо.

— Нет, — вмешался Ахилл, — но ты прекрасно знаешь, что любой прислушается к здравому смыслу, если перед ним будет стоять не один Делла Морте, а еще и Аргирес. С теми же ресурсами, тем же уровнем шизофрении и тем же желанием резать глотки, если на их женщин кто-то посмотрит косо. Я хочу, чтобы моя сестра стала самой защищенной женщиной в чертовом мире. Взамен я защищу твою.

— Ты не получишь Лав, Аргирес. Мы должны найти компромисс.

Я знала, что Энцо ненавидел всех моих ухажеров и думал, что я скорее всего приму обет безбрачия, но неужели он не

понимал, что этот брак стал бы идеальным шансом, чтобы стереть Аргиресов с лица земли? Или он действительно настолько сильно нуждался в их ресурсах?

— Я думаю, это не тебе решать.

Ох, Ахиллесу нужно было промолчать.

Секунда. Две. Я не успела досчитать до трех, как Энцо потерял терпение и направил дуло глока прямо на Ахиллеса. Послышался щелчок, известивший, что Гелиос взвел курок в ответ.

— Я сказал, что Лавиния никогда не будет твоей. Уясни это и отъебись.

Я выпрямилась и решила, что если не вмешаться, то это место превратится в кровавую Миссисипи. Резко выдохнув и набравшись уверенности, спросила:

— Что конкретно ты предлагаешь?

Энцо бросил на меня такой взгляд, будто я сошла с ума. Что, скорее всего, было не так уж далеко от правды. Однако если он думал, что только ему суждено защищать Делла Морте, то он ошибался. Он выгрызал себе место дона, чтобы отомстить за папу и маму. Так почему я не могла совершить собственную казнь?

— Что? Если ты смог жениться на дочери того, кто заказал убийство наших родителей, то в целом для меня не должно стать проблемой выйти замуж за того, кто стрелял в меня. Каждый из нас должен чем-то жертвовать ради семьи. Пришла моя очередь. Логично?

— Вполне, — Ахилл не мог заткнуться, а Энцо — ослабить контроль.

— Нет, Лавиния.

— Ты меня бесишь, — устало сказала я, адресуя это всем мужчинам, решившим, что женщина не может сама решить, за кого ей выйти замуж. — Один пытается продать меня в политический брак, второй — отказывается даже рассмотреть, хочу ли я вообще быть товаром. — Я переводила взгляд между Энцо и Ахиллом. — Может, кто-то, блядь, хотя бы спросит меня?

— Я не отдам тебя, — сказал Энцо так тихо, что я прочла это по его губам. Его пистолет все еще был направлен на Ахилла, но взгляд, полный любви, сосредоточен на мне. — Что бы он ни предложил.

Я сжала ладонь в кулак, но смягчилась, потому что понимала: Энцо слишком печется о моей безопасности. Он не мог просто так отпустить меня к тому, кто оставил на моем теле шрам. Он не мог позволить мне уйти в дом, где я могу не дожить до утра. Мы долго вели немой разговор, общаясь лишь одними взглядами.

Я умоляла его понять, что мне тоже нужно найти способ двигаться дальше, ведь складывалось такое ощущение, что все в мире замерло от оглушительных выстрелов четырнадцатилетней давности.

Мне нужно научиться жить, а не просто выживать под защитой брата. Не просто быть «младшей сестрой Делла Мор-

те». Внутри меня тоже гноилась ненависть и жажда мести, и мне необходимо было поставить хоть какую-то точку.

Годы после смерти родителей я провела в тени Энцо — сначала ребенком, которого прятали, потом девушкой, которую учили стрелять и резать, а не танцевать и влюбляться. Я научилась жить с яростью. Но ярость — это дикий зверь, который жрет тебя изнутри, если не освободить его.

Может, Ахилл и был свободой.

Не в смысле любви, боже упаси, но в смысле возможности оказаться внутри логова врага. Посмотреть в глаза человеку, который когда-то нажал на курок. Посмотреть и решить: простить, убить или использовать в своих интересах.

Даже если по итогу я не пущу ему кровь, то уж точно принесу пользу семье.

— Что конкретно ты предлагаешь? — снова спросила я, глядя прямо на Ахилла, пока Энцо продолжал смотреть на меня с болью и недоверием. Он все еще удерживал моего «жениха» на прицеле, но позволил говорить.

Ахилл медленно откинулся назад, его единственный глаз блестел с каким-то темным удовлетворением.

— Я не требую немедленной свадьбы. Не требую, чтобы ты переехала ко мне завтра. Я предлагаю будущий кровный союз, где я твой, а ты моя.

Он произнес последнее слово так, что по моей коже пробежали мурашки. Это не звучало как угроза или приказ, а скорее как обещание.

— А если я захочу убить тебя в первый же день? — ласково спросила я.

Ахилл усмехнулся.

— Тогда у тебя будет очень экстравагантная брачная ночь.

Я закатила глаза и не успела продолжить эту словесную перепалку, как Энцо выступил с речью:

— Я не дарю тебе ее. Не отдаю взамен. Не продаю. Но если ты думаешь, что я буду стоять между тобой и ее решением… — я видела, как трудно ему даются эти слова и решение. — Ты ошибаешься.

Оружие было убрано, и Энцо спокойно опустился на место, хотя его тело натянулось, как тетива. Я сжала его ладонь под столом, пытаясь выразить свою благодарность за то, что вспыльчивость не отравила разумные клетки мозга. В моей семье женщинам позволялось иметь голос, и это очень отличало нас от устаревшей Коза Ностры.

Ахиллес и Энцо продолжили бросать друг в друга завуалированные угрозы смерти, параллельно обсуждая план по уничтожению Торна. Скоро должен был состояться благотворительный вечер, где взорвется множество бомб.

— Чтобы мы поняли друг друга, — произнес Энцо, переведя взгляд на Ахилла. — Ты не требуешь немедленной свадьбы в обмен на информацию, верно, Аргирес?

Ахилл усмехнулся.

— Успокойся, я не собираюсь тащить твою сестру к алтарю завтра в полдень. — Он посмотрел на Лав. — Может,

послезавтра, что скажешь?

Я показала ему средний палец. Послезавтра у меня маникюр.

— Как Торн вышел на Романо? — спросил Энцо, убирая флешку во внутренний карман пиджака и прерывая нашу перепалку. — Он всегда держался подальше от полного безумия. Предпочитал быть аккуратным ублюдком, а не открытым психом.

Гелиос коротко хмыкнул и сказал тоном, полным удовольствия:

— Когда твой тесть потерял половину кораблей, маршрутов и схем после того, как ты разнес его людей и союзников, у него остался выбор: либо уйти в тень, либо найти кого-то, кто не боится тебя. Романо подходит под вторую категорию.

Энцо постучал пальцами по столу и поразмыслил вслух:

— Логично, Романо дал ему новые пути и прикрытие. Торн дал ему политические контакты, легальные фонды.

— Поверь, у нас тоже достаточно причин желать Торну конечной остановки, — хрипло сказал Арес. — Как и Романо.

— Так что советую тебе быть более благосклонной, синьорина Делла Морте, чтобы наш союз был непобедимым. — Ахилл растянул губы в зубастой улыбке и запустил по поверхности стола мой нож обратно. — Наточи ножи, дорогуша. Они тебе пригодятся.

Я поднялась с места и, не сводя глаз со своего будущего

мужа, приподняла юбку, чтобы убрать нож в набедренную кобуру, где покоился пистолет. Пускай знает, что у меня под юбкой не только белье «agent provocateur».

Ахиллес медленно скользнул взглядом от моей лодыжки до бедра. Удивительно, что отсутствие второго глаза никак не притупило жар, который источал этот мужчина. Я сохраняла хладнокровие, но чувствовала, как позвоночник покрылся мурашками.

Без лишних слов я развернулась спиной к человеку, который мог прострелить мой позвоночник, и покинула место, где он очень романтично сделал мне предложение.

Будет что рассказать детям, если я не подвешу его за яйца в подвале особняка.

Глава 3
Ахиллес

Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны.

Гераклит не был убийцей, в отличие от меня, но говорил так, будто сплетничал со смертью за утренним чаем.

Я прочитал эту фразу в одном из старых философских томов матери в тот же день, когда произвел свой первый заказной выстрел. Человеку было сорок три. У него остались жена и двое детей. Я хорошо помню, как он смотрел на меня в последние секунды — не с ненавистью, а с каким-то усталым удивлением. Словно не верил, что все закончится именно так.

Тогда мне впервые пришло в голову, что граница между смертью и жизнью — иллюзия.

Считается ли человек мертвым, если пуля пробила ему череп, но о нем продолжают говорить? Помнить? Проклинать? Восхвалять?

Считается ли бессмертным тот, кто выжил, если у него отняли всякую радость жить?

Я знал ответ.

После первого убитого я не почувствовал ни вины, ни удовольствия. Только странную пустоту. Словно я не отнял

жизнь, а просто перевел человека из одной категории в другую. Из «смертных» в «бессмертных» — в память, в кошмары, в истории, которые будут рассказывать за закрытыми дверями.

С тех пор я убил достаточно, чтобы понять: настоящая смерть редко наступает от пули. Она приходит раньше. Когда человек перестает надеяться, ломается и начинает бояться жить сильнее, чем умирать.

Возможно, так я оправдывал деятельность своей семьи. Или же готовил речь перед тем, как отправиться в ад.

Я закончил чистить пистолет и быстро собрал его, закрутив глушитель. На подушечках пальцев остались следы пороха. Я растер их, вдохнув знакомый аромат. В горьковато-сладких и металлических нотах было что-то живое, как кровь на языке.

Запах пороха всегда был для меня особенным. Он въедался в кожу, одежду и память. Каждый раз, вдыхая его, я возвращался в день, когда отец впервые вручил мне оружие как своему наследнику.

Этот запах успокаивал лучше любой медитации, о которой постоянно твердила моя сестра Никс. Он напоминал, кто я есть: не человек, не монстр, а просто холодный и эффективный инструмент.

Я встал и вышел из оружейной комнаты в своем пентхаусе. Вечер начинал опускаться на Чикаго, затонувший в тяжелом тумане. С сорокового этажа за панорамными окнами

невозможно было что-то разглядеть, за исключением огней города ветров.

Я стоял весь в черном среди бело-серых облаков за стеклом и хотел раздвинуть руками небеса, чтобы посмотреть, чем занимается женщина, которая должна стать моей женой.

Для человека, с которым у меня должно быть просто деловое соглашение, Лавиния Делла Морте проводила слишком много времени в моих мыслях. Не помогало и то, что я знал о ней буквально все, включая размер ее модных туфель и группу крови.

Сегодня мы должны встретиться на благотворительном вечере, где Энцо Делла Морте уничтожит нашего общего врага — Эрика Торна. Много лет назад ублюдок обвел вокруг пальца Аригересов, сдав моего дядю Кара федералам, которые и по сей день дышат мне в затылок.

Исходя из нашего соглашения о сотрудничестве, я со своей семьей должен обеспечить безопасность на этом вечере. Не потому, что Делла Морте слабы — Энцо не тот человек, которого можно назвать беспомощным. У него есть свои хорошо обученные люди: преданные до скрежета в зубах и опасные до дрожи в коленях. Его солдаты могут зачистить целый квартал за десять минут, даже не вспотев.

Но дело меняло то, что Эрик Торн теперь под защитой Романо.

Этот психопат не просто опасен, а непредсказуем. После того как он похитил Никс, я убедился, что ему плевать, кого

убивать и пытать. Если цель будет прямо перед ним, то он вырежет всех детей, женщин и животных на пути к ней. Он наслаждался страхом, болью и тем, как ломает людей изнутри. По правде говоря, я тоже. Сложно сохранить мораль, когда забираешь человеческие жизни за деньги.

Никс так и не рассказала, что с ней происходило, пока она была в плену, но ее крики по ночам достаточно красочно напоминают, что я облажался как старший брат.

И для того, чтобы это не повторилось, Аргиресы впервые за всю историю существования семьи заключили союз.

Я уверен, что судьба или бог на самом деле — стендап-комик.

Ведь только это может объяснить то, что я должен сделать своей избранницей девушку, в которую стрелял. Это был чистый выстрел навылет в ребенка, который, проснувшись утром, навряд ли думал, что его жизнь перевернется вверх ногами.

Это были руки, полные крови, когда я выносил ее тело, смотря в глаза Эрику Торну и утверждая, что она мертва, хотя ее пульс медленно бился о подушечку моего пальца.

Это было еле ощутимое теплое дыхание напротив моей груди.

Это было первое чувство вины после «убийства», сделавшее ее смертной для всего мира и бессмертной для меня.

Бессмертные — смертны.

Я посмотрел на свои руки со шрамами и одревеснев шими

мозолями от рукояти пистолета.

Может, я уже давно мертв.

Глава 4
Ахиллес

Зал отеля сиял, как полная луна. Люстры с кристаллами рассеивали мягкий свет, отражавшийся бликами в глянцевом мраморном полу. Я наблюдал за всем с балкона второго этажа, где изящные кованые перила с золотистым орнаментом нервировали одним своим видом. Рядом находились мраморные колонны, а под ногами стелился мягкий ковер, приглушавший звук шагов. Эта точка обзора была настоящей жемчужиной зала. Отсюда открывался вид на весь банкет внизу: центральную сцену, столики с гостями, огромные окна с тяжелыми шторами и все входы.

Я стоял в тени одной из колонн, куда почти не доставал свет, одетый с ног до головы во все черное, и сливался с темнотой.

Взгляд скользнул по залу, чтобы убедиться в грамотном расположении людей. Гелиос занял позицию на противоположной стороне балкона, ближе к восточному выходу. Он слегка наклонился над перилами, делая вид, что просто наблюдает за гостями, но я знал: его рука никогда не отходит далеко от скрытой кобуры. Никс находилась внизу, среди толпы, и притворялась невинной официанткой. Она плавно

перемещалась между столиками, фиксируя каждое подозрительное движение.

Люди Делла Морте тоже были на местах. Двое стояли у главных дверей, еще трое контролировали служебные выходы. Его младшие боссы и консильери тоже уже заняли свои позиции. Марко расположился недалеко от центрального стола, где должен был сидеть Торн. Никс простояла около него с улыбкой целую вечность, прежде чем придурок взял бокал с выражением величайшей скуки.

Мои глаза фиксировали любое резкое движение или порыв ветра. Романо славился именно своей непредсказуемостью. Если сегодня он решит ударить, то сделает это эффектно и так, чтобы посыл был ясен даже коалам. А они, как известно, самые глупые животные на земле.

Поэтому я не полагался только на людей Энцо.

Мои снайперы заняли позиции на крыше соседнего здания. Еще одна группа контролировала подземный паркинг. А я стоял на этом балконе, как паук в центре паутины.

В наушнике тихо щелкнуло.

— Восток чисто, — раздался голос брата.

— Пока никаких признаков людей Романо, — отозвалась сестра чуть позже и, задумавшись, тихо продолжила: — Я бы узнала кого-нибудь.

Я не ответил, мгновенно ощутив вспышку ярости в груди, и просто провел пальцем по холодному металлу перил. Почесав шрам на лице и поправив повязку на глазу, напомнил

себе, что эмоции лишь притупляют инстинкты.

И именно сейчас мои инстинкты сработали безотказно, активировав все органы чувств, как у дикого животного, охотящегося на дичь.

Кожа начала зудеть раньше, чем ее туфли коснулись дорогого мрамора. Я подался чуть вперед, притянутый нитью, за которую она держала меня. Среди блеска и фальшивых улыбок появилась Лавиния Делла Морте с выражением лица, обладавшим такой же смертоносностью, как самый сладкий яд.

Она быстро отделилась от Энцо с Бьянкой и, выпив залпом бокал шампанского, просканировала зал. Ее темно-фиолетовое платье обтягивало тонкую талию и бедра, а серебристые нити с маленькими кристаллами, напоминающие паутину в росе, украшали декольте на спине.

Возможно, Лавиния тоже плела ловушки, в которые заманивала врагов.

Схватив еще один бокал шампанского, она приложилась темно-бордовыми губами к ободку и подняла взгляд на меня, словно точно знала, где именно я стою. Ее серебристые тени переливались на свету и делали светло-зеленые глаза такими яркими, что они едва ли не ослепляли. Для любого наблюдателя она выглядела как любая другая женщина, разглядывающая интерьер и подмечающая детали, которые хотела бы видеть в своей гостиной. Но Лавиния точно не восхищалась светильником с кристаллами «Сваровски», нет, она каждым

взмахом ресниц посылала меня к черту.

А ведь сегодня я даже еще не успел ее ничем разозлить. Но, возможно, предложение о замужестве все еще было свежо в памяти.

Я подмигнул ей, и по ее тонкой длинной шее поползла краснота, которую я увидел даже с большого расстояния. Синьорина Делла Морте была не из тех женщин, которых можно легко ввести в краску. Алые пятна на оливковой коже свидетельствовали о ее ярости, и в каком-то извращенном смысле мне это понравилось.

К Лавинии подошел какой-то из бизнесменов Чикаго, которых сегодня здесь было больше, чем пчел в улье. Он был одет в один из этих модных костюмов-троек, обтягивавший его живот, заработанный годами алкогольных марафонов.

Мужчина коснулся запястья моей будущей жены, и Лавиния нахмурилась. Я представил, как метаю нож с того места, где стою, и с хирургической точностью отрубаю его пальцы с фамильными перстнями.

Нужно было следить за обстановкой вокруг, но как бы я ни пытался оторвать взгляд, ничего не выходило. Постепенно Лавиния расслабилась, и ее веселье разнеслось по залу. У нее не было отрепетированного изящного смеха, как у женщин вокруг. Ее почти ведьминский хохот звучал громко, дерзко и смело, отчего по залу пробегала легкая волна удивления. Люди оборачивались с натянутыми улыбками и сдерживались, чтобы не выразить презрение одним лишь видом.

Я смотрел, как младшая Делла Морте, в отличие от своего закрытого брата, одним присутствием превращает этот скучный благотворительный спектакль в нечто живое.

Лавиния была опасна.

Не потому, что умела стрелять или метать ножи. А потому что притягивала всеобщее — *мое* — внимание, не пошевелив и пальцем.

— Никс, — обратился я к сестре, лавирующей между столиками. — Убедись, что у члена в фиолетовом костюме не будет выпивки. Нужно, чтобы он свалил в бар.

— С каких пор ты следишь за тем, кто сколько пьет? — насмешливо спросила она. — И это, кстати, цвет фуксия.

— Мне, кстати, плевать. Я знаю только оттенки черного.

Моя раздражающая сестра хихикнула и направилась к тому месту, где стояла Лавиния.

Когда все уселись за столики, Лавиния все еще отбивалась от назойливого бизнесмена, грациозно, но твердо отодвигая его руки. Она повернулась и снова подняла взгляд прямо на меня. Я не думал, что она просила моей помощи, потому что без проблем могла справиться сама.

Скорее она… хотела, чтобы я наблюдал.

Лавиния ласково погладила столовый нож, а потом плавно вогнала его между лежавшими на столе мясистыми пальцами мудака.

Я приподнял бровь, как бы говоря «неплохо».

Лавиния что-то прошипела ему на ухо, продолжая удер-

живать мой взгляд. Она расслабленно откинулась на спинку кресла, медленно подняла бокал, будто салютуя, и сделала маленький глоток.

Я никак не отреагировал, а она лишь слегка прищурилась. Однако даже напряженного бездействия и молчания было достаточно, чтобы понять: Лавиния Делла Морте станет моей погибелью.

Или моим спасением.

Я еще не решил.

Взгляд оторвался от единственной женщины в этом зале, которая хранила оружие рядом с подвязкой для чулок, и снова обвел зал. Гелиос все так же стоял на противоположной стороне балкона, делая вид, что скучает.

Я поправил наушник, боковое зрение уловило скользнувшую тень.

— Гелиос, северо-западный угол.

— Чисто, — отозвался брат через секунду.

Гел считался моей правой рукой, но я имел параноидальную привычку все перепроверять, поэтому мягкой поступью двинулся в ту сторону.

Никто из гостей не смотрел на второй этаж. Энцо с женой как раз вышли на сцену, и все внимание приковалось к ним. Когда Бьянка заговорила и начала публичную порку отца, Торн побледнел так сильно, что ему требовалась реанимация.

Голос Бьянки звучал уверенно, хотя я видел, как у нее по-

драгивают пальцы и как она сжимает кулаки. Энцо стоял рядом, но чуть позади, чтобы не заслонять ее. Классический представитель Делла Морте: готовый умереть за свою женщину, но позволяющий ей стоять на свету.

Я ничего не смыслил в отношениях, скажу больше: я считал, что любовь — это прежде всего эгоизм. Желание владеть, защищать и прятать от мира, потому что мир всегда пытается отобрать то, что тебе дорого.

Именно поэтому Лавиния становилась идеальной женой для меня. Она никогда бы не дала себя спрятать, а я бы никогда не влюбился в нее, чтобы захотеть этого.

Однако, глядя на Бьянку и Энцо, я впервые усомнился в своей правоте. Могущественный дон Коза Ностры не прятал женщину, которая должна была рано или поздно подарить ему наследника, а стоял за ней, как тень, готовая принять любой удар.

Это шло вразрез всему, чему меня учили. Моя мать чуть ли не всю жизнь провела в темнице, потому что отец скрывал ее от всего мира. Лишь изредка ей удавалось заниматься какими-то своими делами, и то под пристальными взглядами охраны.

Я добрался до северной точки ровно в тот момент, когда раздался легкий щелчок.

Опытный слух сразу распознал звук снятия предохранителя с винтовки с хорошим глушителем. Время сжалось в тугую пружину. Я быстро обогнул ближайшую колонну и ока-

зался за спиной снайпера.

Рука уже поднимала пистолет быстрым и отточенным движением, не позволяя ни одной лишней мысли пробраться в голову. Периферийное зрение выхватило вспышки черного на другой стороне балкона, и я понял, что люди Романо среди нас.

Я выстрелил в тот же миг, когда снайпер дернулся. Два тихих синхронных хлопка разнеслись над залом. Пуля успела выйти и помчалась прямо в сердце Бьянки Торн.

С этой минуты реки шампанского в этом зале налились кровью.

Глава 5
Лавиния

Нужно было надевать брюки, черт побери.

Я перекатилась по полу, когда трель выстрелов разнеслась по залу. Рука нашла набедренные ножны и вытащила оружие. Выгнувшись в пояснице, я оперлась лопатками о пол и прыжком поднялась на ноги.

Фраза «в этих туфлях я могла бегать» заиграла новыми красками, потому что я, мать вашу, могла в них прыгать.

Я вогнала нож между ребер одному из солдат Романо, когда тот попытался схватить меня удушающим. Другой сбил меня с ног, и я прокатилась по осколкам, утопающих в дорогом алкоголе. Небольшие ссадины сразу же начали гореть на коже, но, к счастью, они оказались незначительными.

Я пыталась найти Энцо в зале, где развернулся ад, полный паники. Последний раз видела брата, когда он закрыл своим телом Бьянку. Понятия не имею, живы они или нет.

Я отказывалась думать о плохом исходе, потому что жизнь не могла быть настолько безжалостной, чтобы лишить меня еще и Энцо. Я начала пробираться в сторону сцены и коснулась набедренной кобуры, чтобы достать пистолет. Она оказалась пустой, заставив меня красочно выругаться. Видимо,

кто-то из людей Романо успел меня обезоружить во время борьбы. Я крепче сжала рукоять ножа, который украшали гранатовые бусины крови.

Из-за ближайшей колонны на меня бросился мужчина с интеллектом неандертальца. Он приставил ко моему лбу пистолет, а другой рукой сжал горло в железной хватке. Кислород резко перестал поступать в легкие, но я отказывалась сдаваться, даже если знала: легкие — мое слабое место.

— Если ты сейчас выстрелишь, то испортишь мне прическу. А я сегодня два часа убила на укладку, — выдавила я.

— Он сказал, что ты нужна ему живой, — прорычал громила, убрав пистолет и дернув меня за волосы с такой силой, что чуть не содрал скальп.

— Хоть представляешь, сколько стоит хороший стилист в этом городе? Кстати, ты уверен, что Романо тебе достаточно платит за такую работу? Потому что я могу предложить больше.

Он сильнее сжал мое горло, чтобы лишить меня речи, а я уже схватила со стола ближайшую бутылку шампанского.

— Хотя знаешь что? — мило улыбнулась я. — Передумала.

И со всей силы обрушила бутылку ему на голову. Он зацепился пальцами за мое колье, придушивая еще сильнее.

— У меня на шее Cartier, figlio di puttana[5]!

Я схватилась за горло, хотя старалась этого не делать,

[5] Figlio di puttana (итал.) — «сукин сын»

но инстинкты взяли свое. Дышать было так тяжело, будто утренний кросс вот-вот миновал, оставив меня с языком на плече. Перед глазами плыло, но я различила силуэт приближающегося Энцо. Его теплые ладони легли мне на плечи, а обеспокоенный взгляд обвел все тело.

— Цела?

Я сдерживала хрипы, булькающие где-то внутри меня. Нельзя показать Энцо, что именно сейчас его сестра задохнется, как выброшенная на берег форель.

— Относительно, — я отмахнулась и попыталась переключить его внимание. — Кажется, тебе нужен шарф.

Мое сердце заклокотало в груди еще сильнее, когда я поняла, как сильно он на самом деле ранен.

Видимо, пуля, предназначавшаяся его жене, по итогу пришлась на него. Он закрыл ее собой, чтобы сохранить жизнь. Это одновременно восхищало и ужасало меня. Какой силы должна быть любовь, чтобы закрыть своим телом человека? Я без раздумий сделала бы то же самое для Энцо, но он мой брат. Я бы сделала для него что угодно. Ладно, не что угодно. Очевидно, в этот список не входит очистка подвала после его ролевых игр с врагами.

Кровь водопадом лилась из ранения на шее Энцо. Оно не было сквозным и выглядело как царапина, но царапина, которая могла стать смертельной. Мы быстро припали к полу в то время, как над нами просвистела пуля.

Недолго думая, я быстро сбросила каблуки, чтобы быть

быстрее, и оторвала от подола платья кусок ткани, чтобы перетянуть рану Энцо. Он не мог умереть раньше меня, поэтому ему придется походить с шарфом, как французскому маркизу. Пока ухаживала за братом, быстро узнала о состоянии Бьянки, чтобы убедиться, что она в безопасности. Может быть, фамилия Делла Морте и наделяла смелостью, но до перестрелок ей еще было очень далеко.

— Дарио вывел ее, — Энцо выглянул из нашего укрытия, чтобы выпустить пару пуль, а потом опустился вниз.

Раздалось множество выстрелов прямо над нашими головами. Энцо прижал меня к полу своим телом. Мы перекатились в разные стороны в секунду затишья, и я попыталась встать на ноги, но грубый голос прервал меня.

— Лавиния, вниз!

Меня сбили с того места, где я стояла-сидела-лежала. Не понимаю уже, если честно, что делала. Все тело так болело, а легкие горели в огне, что мне с трудом удавалось думать.

В том месте, где мгновение назад находилась моя голова, пуля разнесла стол. Я подняла помутневший взгляд на человека, уютно устроившегося на мне, и нахмурилась. Ну почему он не мог быть Капитаном Америкой или Человеком-пауком, на крайний случай? Ладно, Том Холланд занят Зендаей, вопросов нет, но что, мало в мире супергероев? Почему меня должен спасать чертов злодей с одним глазом?

Я ударила руками ему в грудь, которая была тверже бетонной стены.

— Ты с ума сошел? Я сама справлюсь!

— Конечно, agapi mou, — Ахилл обвел взглядом мое лицо и продолжил лениво лежать на мне. *Конечно, мы же не находились посреди перестрелки*. — Но мне нравится, когда мои будущие невесты остаются с целыми головами.

Как же он меня раздражал, но мое раздражение никак не противилось тому, что жар его тела проникал в заледеневшие части меня.

— А у тебя их много?

Ага, наверняка полсвета мечтает выйти замуж за психопата.

— Кто знает.

Мы еще мгновение смотрели друг на друга, пока его мощное тело прижимало меня к полу. Я ощущала его везде — тяжелую теплоту груди напротив своей, горячее дыхание около щеки, биение сердца, которое почему-то было слишком ровным для человека в окружении врага.

Мое собственное колотилось где-то в горле, и дело было не только в астме.

— Слезь, — прохрипела я задыхаясь. — Или мое колено найдет твой пах.

Ахилл не спешил. Его глаз медленно скользнул по моему лицу, по губам, которые все еще дрожали от нехватки воздуха, и остановился на шее, где наверняка проступали следы от чужой хватки. Во взгляде Ахиллеса закружилась тьма, как в магических тенях, способных лишить дыхания, лишь

просто окутав тебя.

Этот взгляд предрекал убийство. Я лишь надеялась, что не умру сегодня, ведь завтра мне приедет новая сумка.

— Тебе не стоит носить такие ожерелья, — сказал он низко.

Надеюсь, он не о cartier.

Ахилл быстро поднял нас на ноги, закрыв мне весь обзор своими плечами размером с военный танкер, и протянул пистолет.

— Держи. Нож у тебя прекрасный, но тут, кажется, стрельба, а не резня.

— Заткнись, — огрызнулась я и забрала оружие.

Я пошатнулась, когда с хрипом в легких втянула воздух. Энцо не заметил этого, пока выяснял местонахождение Торна, но Ахиллес бросил подозрительный взгляд.

— Остаешься с ней, — бросил Энцо, имея в виду меня.

Ахиллес, если и был против, то не сказал этого. Думаю, ему плевать на приказы Энцо. Навряд ли он подчинялся хоть кому-то.

— Нет, я… — перед моими глазами была гребаная темнота, но я изо всех сил старалась продолжить фразу.

— Лавиния, ты остаешься с ним, — Энцо прервал меня таким тоном, что мне даже не нужно было всматриваться в его глаза, чтобы понять: спорить бесполезно.

Губы задрожали, когда новый приступ нехватки дыхания сжал легкие в кулак. Я кивнула, но все же выдохнула слабым

голосом:

— Иди уже, fratello.

Легкие горели. Каждый вдох давался с трудом, словно в груди разлилась раскаленная ртуть. Я пыталась дышать неглубоко и часто, как учили врачи, но после того, как меня чуть не задушили, это было почти невозможно. В горле свистело, хрипы прорывались наружу, несмотря на все попытки их сдержать. Я ненавидела это. Ненавидела свою слабость. Ненавидела, что именно сейчас, когда нужно быть сильной, тело решило предать меня.

— Сумочка… — прохрипела я, оглядываясь по сторонам. Боже, ее невозможно будет здесь найти. — Мне нужна моя чертова сумочка.

Ахилл снова резко дернул меня, спрятав за ближайшую колонну.

— Какая сумочка? — спросил он резко. — Сейчас не время переживать за свои модные штучки стоимостью с годовой бюджет какой-нибудь страны.

— Во-первых, я купила ее на барахолке в Валенсии за пять евро. Во-вторых, у меня астма, мудак.

Я оттолкнула его в порыве гнева и паники, бросившись бежать в ту сторону, где сидела до того, как началась стрельба. Голые ступни то и дело натыкались на осколки стекла, но это было меньшей из моих проблем. Тело начал покрывать ледяной пот, когда новый громкий булькающий хрип сорвался с губ. Я осела на колени и начала шарить руками,

но горячая ладонь обхватила мое запястье.

— Тише, дыши вместе со мной, — эта фраза, должно быть, должна звучать романтично в какой-нибудь книге или фильме, но все из уст этого мужчины вырывалось грубо и шероховато.

Боже, он сказал это почти так же, как люди говорят «надеюсь, ты умрешь». Или нормальные люди так не говорят?

Из-за помутневшего зрения я не могла оценить в полной мере его выражение лица, но услышала, как он сделал глубокий вдох и сжал мое запястье.

Я хотела огрызнуться, сказать, что мне не нужна его помощь, но новый приступ сжал грудь так сильно, что вместо слов вырвался только свистящий вдох. Легкие горели с силой разъедающей кислоты. Я ненавидела ощущение, когда тело отказывается слушаться и каждый вдох превращается в борьбу.

Ахилл без слов и разрешения обхватил своей мощной рукой мою талию и притянул меня к себе, словно боялся, что я снова рванусь вперед. Лопатки коснулись его груди, где сердце билось так размеренно, будто он наслаждался закатом на берегу Сицилии, а не сидел в зале, полном трупов.

— Медленный вдох, — его губы коснулись раковины моего уха, а щетина царапнула щеку. — Выдох. Не торопись, мы всего лишь опаздываем на казнь, которую ожидали больше десятилетия.

Если бы я не планировала задохнуться, то хихикнула бы.

Я пыталась дышать, но получалось плохо: хрипы становились громче, но хотя бы удавалось немного выровнять ритм. Ахилл дышал рядом, задавая темп, как партнер по бальным танцам.

— Сумочка… — прохрипела я снова, когда смогла выдавить хоть слово. — Черная с блестками и брелком добермана.

Я почувствовала, как тело Ахилла напряглось позади меня, когда он, видимо, начал осматривать помещение.

— Не умри, ради бога, а то мне некуда будет деть сумочку с барахолки с брелком пса. За пять евро.

Ахилл подхватил меня под руки и потащил за собой, прикрывая своим телом от возможных выстрелов. Мы двигались короткими перебежками — от колонны к перевернутому столу, от стола к следующему укрытию. Каждый шаг отдавался болью в груди. Я чувствовала, как по спине стекает холодный пот, ноги становятся ватными, а перед глазами, как грозовые тучи, плывут темные пятна.

Наконец Ахилл увидел мой шанс на дыхание под перевернутым стулом. Он быстро схватил сумочку, открыл одним движением и сунул ингалятор мне в руку.

— Два вдоха? — то ли спросил, то ли приказал он.

Я жадно схватила баллончик и сделала два длинных вдоха. Лекарство начало действовать не сразу, но уже через несколько секунд сжатие в груди немного ослабло. Хрипы стали тише, хотя все еще были слышны.

Ахилл смотрел на меня сверху вниз. Его глаз был прищурен, и слава богу я не увидела в нем жалость. Может быть, озадаченность?

— Астма, — тихо сказал он, как бы только сейчас осознавая и пробуя слово на вкус. — Ты никогда не говорила.

— Не помню, чтобы мы делились секретами за бокалом вина, — огрызнулась я, все еще тяжело дыша. Голос звучал хрипло и слабо, и это бесило меня больше всего. — Не думай, что теперь я тебе что-то должна за спасение жизни. Особенно, учитывая тот дивный факт, что однажды ты чуть не убил меня.

Я знала, как работает наш мир. Никто не помогал тебе просто так. У всего была своя цена, и я не питала иллюзий по поводу того, что Ахиллес не попытается извлечь выгоду из сегодняшнего дня.

Он пристрелил снайпера, целившегося в Бьянку. Он достал мне ингалятор. Он послушался Энцо и действительно остался со мной. Уверена, он записывает все в невидимый блокнот, чтобы потом выставить своеобразный счет.

— Не знаю, с какими мужчинами ты общалась раньше, — протянул Ахиллес, слегка наклонившись ко мне и обдав ароматом пороха. Его пальцы скользнули по моей щеке, стирая следы крови. Жест был грубым, но у меня перехватило дыхание, и на этот раз не от астмы. — Но для меня важно, чтобы ты не сдохла до того, как станешь Аргирес.

Очаровательно, мой будущий муж был самым романтич-

ным созданием на земле.

— То есть после уже можно?

— Ну, потом я могу убить тебя сам, — ублюдок подмигнул мне.

Подавив ухмылку, я осознала страшную вещь. Сегодня посреди крови, выстрелов и хаоса Ахилл Аргирес впервые увидел мою настоящую слабость.

И одному богу известно, использует ли он когда-нибудь ее против меня.

Глава 6
Лавиния

Мерный писк кардиоаппарата в палате Энцо стал саундтреком этой ночи. Его давно прооперировали, и сейчас все в полном порядке. Он даже успел прийти в себя и придушить Дарио.

Энцо потерял сознание сразу после того, как вырвал трахею Торну. Возможно, теперь он будет спать спокойнее, зная, что человек, погубивший нашу семью, не купается в лучах славы. Я провела пальцем по морщинке на лбу брата, чтобы он перестал хмуриться хотя бы во сне.

— Спасибо, fratello, — я прикрыла веки и отбросила все щиты, которыми обычно оборонялась. — Может быть, редко говорю это, но я так сильно люблю тебя. Это странно для… ну, таких семей, как мы. Наверное. Я не знаю, способны ли мы на чистую искреннюю любовь, если купаемся в крови?

Но я любила. Я любила свою семью с силой, способной стереть города с лица земли.

— Помнишь, когда мне было девять, ты учил меня держать нож? Не думаю, что мама одобрила бы это, но в этом и суть… ее уже не было в живых. Нам пришлось рано повзрослеть, чтобы выжить, но ты все равно старался сохранить дет-

ство во всем, что окружало меня. Именно поэтому у меня был нож с Hello Kitty.

Я не сразу поняла, что горячая слеза скользнула по щеке. Понятия не имею, почему плакала, если жизни Энцо ничего не угрожало. Видимо, адреналин впервые ослабил хватку с того момента, как началась перестрелка. Только сейчас я по-настоящему осознала, что мой брат мог умереть.

Когда Энцо много лет назад спас меня от первого приступа астмы, мы договорились, что он не может умереть первым, иначе я задохнусь.

Сегодня впервые меня спас не он, и это ощущалось как потеря. Но Энцо не может ходить за мной по пятам до конца моих дней. У него есть своя семья и женщина, за которую он отдаст половину, а то и все свое сердце.

— Ты всегда был моим воздухом, fratello, — тихо продолжила я, не слыша собственного голоса из-за громкого писка пульса на приборах. Я сжала его ладонь. — Не смей умирать раньше меня, ясно? — я знала, что он не умрет (по крайней мере, не сегодня), но все равно сказала это. — Я не умею быть старшей. Я вообще плохо умею быть без тебя, но я научусь, чтобы каждый из нас смог быть счастливым.

В палате было тихо. Только писк аппарата и далекие шаги медсестер за дверью. Я опустила голову на край кровати, уткнувшись лбом в его руку. Запах больничного антисептика смешивался с его привычным парфюмом, который все еще держался на коже.

Его татуированные пальцы крепко сжали мою ладонь, но засранец не открыл глаза, продолжая дремать. Или делать вид.

— Ты прекрасно справляешься без меня, Лав, — раздался сонный, но уверенный голос. — Даже если ведешь себя как сумасшедшая дурочка, — добавил он тихо.

Я хихикнула и как можно больнее ущипнула его за бок. Он что-то сонно проворчал, погрузившись обратно в сон. Я уже собиралась немного подремать, как услышала около двери тихие шаги. Бьянка входила в палату так, будто в ней находился динамит.

— Прости, — прошептала она, — я не хотела будить тебя.

— Я не спала, — потянулась и встала. — Хорошо, что ты вернулась, потому что я не собираюсь торчать на этом неудобном кресле, пока мой брат лежит на удобной кровати и, очевидно, не собирается умирать.

Бьянка перехватила мое запястье перед тем, как я чуть не вылетела из палаты. Ее темно-зеленые глаза изучали меня долго и внимательно, а затем хрупкие руки, обладающие неимоверной силой, заключили меня в объятия.

Я замерла, боясь даже вдохнуть. Это был не первый раз, когда Бьянка обнимала меня, но мне все еще требовалось время, чтобы не огрызнуться. Скажем так… наше общение основывалось на тропе «от ненависти до любви».

Бьянка все еще не собиралась отпускать меня, поэтому пришлось медленно поднять руки и ответить на объятие.

Ладно, может быть, не пришлось. Может быть, я хотела этого.

Неосознанный вздох облегчения покинул легкие, когда мы обе расслабились и просто стали друг для друга островком безопасности.

— Это была страшная ночь, Лав, — прошептала она. — Переживать — это нормально. Не убегай и побудь с нами.

— Я не переживаю, — моментально ответила я.

— Хорошо, — кивнула моя новоиспеченная подружка, и я ощутила ее подбородок на своем плече. — Просто немножко тревожишься и грызешь заусенец. Кстати, ты в курсе, что если неправильно оторвать эту дрянь, то тебе ампутируют руку?

Я оттолкнула ее с хриплым смешком и показала средний палец.

— Я ухожу.

— Нонна с Дарио еще где-то в коридоре, найди их. Я не хочу, чтобы ты была одна.

Бьянка бросила эту фразу, пока наводила порядок в палате, и даже не посмотрела на меня. Однако я чувствовала, что эти слова полны заботы и внимания. Не знаю как именно, но этой женщине удавалось найти ко мне подход.

— Эй, Би, — окликнула я ее, открыв дверь палаты. Она оглянулась и сдула темную прядь с лица. — Я рада, что ты Делла Морте.

После этого я убежала так быстро, как только могли нести

мои голые ступни. Туфли, очевидно, стали последней вещью, о которой я заботилась после окончания этого кровавого вечера.

Я прошлась по холодному кафельному полу в коридоре и вдохнула едкий аромат антисептика. Около регистратуры слышался тихий глубокий смех, который я знала с того момента, как нас перевезли в Италию, и парень с выпавшим молочным зубом сообщил, что он будущий Аль Капоне.

— Дарио, оставь бедную девушку в покое, — я схватила его за ухо и оттащила от стойки, за которой сидела покрасневшая от смущения медсестра. — Нарушительница веселья, — проворчал он и ловко вырвался из моей хватки. Он поправил рубашку, модные часы и подмигнул своей жертве. — Минутку, синьорина.

Я зевнула и устало провела по лицу.

— Она знает, что меньше суток назад ты убил на ужине пару человек?

— Да, я сообщил ей об этом, когда добивался минета в процедурной, — без промедления ответил он. — Я сказал, что мне срочно требуется осмотр после ранения.

— Стесняюсь спросить, куда ты ранен?

Дарио поиграл бровями, вернулся к своей жертве, лениво оперся локтем на стойку и непонятно откуда вытащил розу, как какой-то фокусник.

— Для самой красивой женщины, давшей клятву мужчине, который ее не заслужил.

— Кому?

— Гиппократу, cara.

Дарио был дураком высочайшего уровня, но отрицать его глупое очарование — все равно что доказывать, что земля плоская.

Я устало потерла виски и осмотрелась по сторонам, выискивая Нонну. Заметила ее в самом конце длинного коридора, где она разговаривала с какой-то дамой преклонного возраста, пока позади нее охранник держал ее шляпку и зонтик.

Октавия Делла Морте была в том возрасте, когда большинство уже сидят в кресле-качалке, но ее осанка и фигура, облаченная в лучшие ткани Европы, могли составить конкуренцию молодым девушкам. А об остром уме я вообще, пожалуй, промолчу. В этом нужно убеждаться лично.

Я решила выйти подышать на улицу, чтобы взбодриться, а потом уговорить Нонну отправиться домой. В этот час ей уже пора наслаждаться сновидениями, где, как она рассказывает, за ней ухаживают горячие итальянцы.

Стеклянные двери больницы бесшумно разъехались, и меня встретил прохладный утренний воздух Чикаго. Он пах мокрым асфальтом и утренней росой, осевшей в ближайших клумбах.

Рассвет уже начинал подниматься над горизонтом. Вдалеке небо над озером Мичиган медленно перетекало из густого индиго в бледно-розовые и золотистые разводы. Первые лучи скользили по стеклянным небоскребам, заставляя их

вспыхивать, словно холодные драгоценные камни. Вдали силуэты зданий еще купались в легкой темной дымке, а где-то на набережной уже слышался ранний гул машин. Чикаго просыпался медленно и неохотно, словно каждый житель все еще исповедовал свои грехи, совершенные под покровом ночи.

Я сделала несколько шагов босыми ступнями по холодному асфальту и остановилась, позволяя ветру трепать волосы. Все тело ныло. Мышцы, которые еще несколько часов назад работали на пределе, теперь отзывались тупой болью. Легкие все еще ощущались тяжелыми, как после долгого забега.

Прикрыв глаза, я просто медленно дышала. Кожа постепенно нагревалась, и поначалу я подумала, что это проснувшееся солнце. Однако обладатель этого взгляда скорее был похож на далекую темную планету, что вращается на самой окраине системы: невидимую, но обладающую такой силой притяжения, что даже свет рядом с ней искажается.

Я медленно повернула голову.

У самого края парковки, привалившись к черному мотоциклу, стоял Ахиллес. Утренний свет едва касался его фигуры, оставляя половину лица в тени, где даже рассвет не решался полностью осветить его.

Я не ожидала увидеть его здесь, поэтому слегка оступилась и зашипела, наткнувшись ступней на какую-то колючку на дороге.

Ахилл плавно оттолкнулся от мотоцикла и шагнул ко мне.

Его движения, несмотря на огромный рост и телосложение, обладали странной грациозностью, что говорило о годах обучения боевым искусствам. Если бы я не смотрела на него, то даже не услышала бы, как он приблизился ко мне.

Не сказав ни слова, Ахиллес приподнял руку, и я увидела, как он удерживает лишь за одни ремешки мои туфли. Меня сложно было лишить дара речи, но, кажется, сегодня случилась именно эта редкая неприятность.

Я смотрела, как утренний свет скользит по шраму, пересекающему половину лица Ахиллеса. Как спокойно он стоит, будто имеет полное право быть здесь, когда моя семья подверглась удару, и держать мои чертовы туфли. Воздух между нами стал плотнее и тяжелее, даже рассвет Чикаго на мгновение решил все еще понежиться в объятиях ночи.

Я медленно выдохнула, чувствуя, как холод асфальта пробирается сквозь ступни, а по коже бегут мурашки, и на этот раз причина вовсе не в бодрящем ветре. Ахиллес, видимо, обладал словарным запасом малыша, поэтому не собирался начинать диалог.

— Ты всегда воруешь чужие туфли? Знаешь, если они тебе так понравились, ты бы мог просто сказать.

Я нападала первая, потому что это всегда получалось у меня лучше всего. Ахиллес опустил взгляд вниз, где его огромные ноги в грубых ботинках смотрелись гигантскими рядом с моими ступнями.

— Не думаю, что это мой размер.

Он сказал это таким тоном, что у меня внутри все завибрировало. В этом не должно было быть никакого подтекста, кроме чертова размера обуви, но он был. И по тому, с каким выражением лица Ахиллес вновь посмотрел на меня, мы оба понимали, что он так и ждет, когда я ляпну какую-нибудь пошлую чушь.

— Говорят, размер обуви соответствует размеру члена.

Именно это я и сделала. Говорю же, дар речи редко покидал меня и чаще всего становился проклятием.

— Не верь сплетням, agapi mou. Проверяй сама.

Я приподняла бровь, стараясь удержать равнодушие, хотя голос все равно вышел чуть хрипловатым:

— В любом случае, жаль, что туфли тебе не пошли, на тебе бы смотрелись… интересно. И на этом каблуке можно бегать, так что ты без проблем догнал бы всех своих жертв, — я изобразила рукой пистолет и издала звук «пиу-пау».

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Он сопротивлялся веселью, как смертельной болезни.

Ахиллес сделал еще один шаг. Теперь между нами оставалось слишком мало воздуха. Я чувствовала тепло его тела сквозь утреннюю прохладу и слышала, как ровно он дышит.

Ахилл протянул мне туфли, но не сразу отдал. Просто держал их на уровне моих рук, заставляя либо взять, либо продолжать стоять перед ним босиком, уязвимой и разбитой после этой ночи.

— Почему ты на самом деле здесь? — тихо спросила я,

наконец забирая туфли. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Электричество обвило мое запястье и поднялось вверх по венам, достигнув сердца. Дыхание перехватило, как от самого сильного удара током, заставив на мгновение подумать, что мне потребуется ингалятор.

Я ненавидела этого мужчину и то, как мое глупое тело реагирует на него.

Ахилл не ответил сразу, а просто посмотрел сверху вниз. В его взгляде отразился рассвет Чикаго. Впервые в его глазу не было темноты, а лишь золотистые лучи солнца.

— Чтобы убедиться, что ты дышишь, — его голос отозвался в моей груди низким эхом.

— Это не твоя обязанность.

Он как-то задумчиво кивнул и потер заросший щетиной подбородок.

— Да, кажется, это мое искупление.

С этими словами он резко развернулся, запрыгнул на мотоцикл и умчался, как Призрачный гонщик. Рычащий звук двигателя был мне слишком знаком.

Я стояла и обдумывала смысл сказанных слов. Искупить свои грехи Ахиллес Аргирес мог только в чистилище. Значит ли это, что брак со мной был для него демоверсией ада?

Глава 7
Ахиллес

Забор высотой в три метра, наверняка, должен сдержать федералов, когда они решат схватить нас за яйца. Видимо, так думал отец, раз до сих пор прятался в своем особняке, как затворник.

Я оперся ногами по обе стороны от мотоцикла и стал ждать, пока тяжелые ворота откроются с грохотом, способным разбудить мертвых.

Самым лучшим решением в моей жизни стало съехать отсюда, чтобы не броситься со второго этажа особняка на ближайший шпиль ворот.

Как только меня наконец-то соизволили впустить в этот чертов пентагон, я промчался по подъездной дорожке, которую нужно было переложить лет двадцать назад, и затормозил прямо у клумбы моей покойной прабабушки, где ничего не росло с того дня, как она покинула этот дивный мир.

Когда-то дом Аргиресов выглядел, как маленький островок Греции в Чикаго. Когда-то… пока дядю Кара и моего отца не сгубила жажда денег. До сих пор не знал, куда они тратили все эти суммы, если наш дом выглядел как замок в Трансильвании.

Я снял шлем и направился внутрь, желая поскорее закончить с семейным советом и вернуться к своему плотному графику работы (читать как «убийств»). В фойе мимо меня по мраморному полу проскользила Никс в розовых огромных тапках с мордой собаки. Она уронила банку колы, вернулась за ней и высунула наушник из уха.

— О, привет, я не знала, что ты сегодня приедешь, — она чмокнула меня, оставив на щеке липкий след блеска для губ.

Я поморщился и вытерся, за что Никс показала язык. Ее голубые глаза расширились, когда я ловким движением перехватил его.

— Не смей показывать мне язык.

Она промычала что-то наподобие «отпусти меня, придурок». За годы жизни с этой занозой в заднице я разбирался даже в бессвязном «ммм-ммм-ммммм».

Гелиос вышел из столовой, что-то жуя, и, когда увидел нашу «драку» с Никс, привалился к стене, чтобы понаблюдать.

— Продолжайте, может, папа скончается к тому времени, когда вы закончите, — хмыкнул он.

Никс ахнула, хотя не была святой, и вырвала язык из моей хватки. Я вытер руку о ее футболку с пайетками, которые при разном положении образовали новый узор.

— Это единорог? — спросил Гелиос.

Я провел по футболке в другом направлении, и пайетки с переливом сложились в другой рисунок.

— Нет, это… сиськи? — Гелиос подавился тем, что ел.

Я поднял суровый взгляд на Никс, а она вприпрыжку направилась к лестнице:

— У каждого свои методы, как отправить отца на тот свет, — ее обычное хихиканье превратилось в злодейский смех.

Никс была самой непредсказуемой из нас. В одну секунду она могла рыдать из-за какого-то щенка и выбирать из ста оттенков розового самый розовый, а в следующую — забить кого-нибудь до смерти клюшкой для гольфа.

Да, в нашей семье и такое было.

— У нас собрание, разве тебя не приглашали?

— Нет, — крикнула она. — Дорогой отец считает, что я все еще не достойна его злодейских планов.

Я раздраженно выдохнул и направился в коридор, ведущий в главный кабинет. Сколько раз мы с Гелом твердили отцу, что Никс необходимо быть в курсе наших дел, чтобы знать, чего ожидать и как реагировать в критических ситуациях. Однако старик оставался непреклонен в своем маразме «женщинам не место в моем кабинете».

Странно, что трахал (пока еще мог) он там далеко не мужчин. А наша мать слушала это все через дверь.

Я вошел без стука, а Гелиос тихо закрыл за нами дверь.

— Мог бы хлопнуть, — проворчал я.

— Ага, и тогда бы моя спальня упала бы на нас.

Ладно, он был прав. В этом доме скрипело все, включая кости Ареса Аргиреса.

— Отец, — бросил я и опустился на потертое кожаное

кресло рядом с массивным дубовым столом.

— Вы опоздали на минуту и двадцать секунд, — отец закашлялся, даже не сумев договорить предложение. На удивление, сегодня он выглядел лучше, чем весь последний месяц. Видимо, последняя химия дала свои плоды, и рак все же не сожрал его легкие окончательно. Жаль.

— Я заглянул к Никс. Ты снова не пригласил ее.

— Эта девчонка, — отец потянулся к ящику стола, где раньше у него хранились сигары. Закрыв глаза, он тяжело вздохнул, когда вспомнил, что больше их там нет.

Ну, может, и есть, но это явно не то, что прописал ему врач.

— Эта девчонка — твоя дочь, которая выполняет твои поручения, выслушивает насмешки и все же не имеет права знать, как обстоят дела в семье.

— Я позвал тебя не для того, чтобы ты учил меня, как воспитывать детей! — рявкнул он.

— Ты никогда и не воспитывал нас, — пробормотал Гел, схватив виски с тележки алкоголя.

Я бросил взгляд на напольные массивные часы, пробившие десять утра.

— Гелиос, если ты планируешь составить папе компанию и разделить акцию «рак — два по цене одного», то можешь продолжать напиваться с утра пораньше.

Брат закатил глаза и, сделав один глоток, отставил бутылку.

— Как хорошо, что ты съехал.

— Arketó[6]! — прогрохотал отец, поднявшись с места и опершись ладонями на стол.

Арес Аргирес не был так могуч и величественен, как десятилетия назад, но он все еще мог вселить страх одной лишь фразой. В его голосе оставались садистские нотки и предвещание боли за непослушание, а в глазах оседала такая же жестокость, с какой Македонский сжег Персеполь.

— Я позвал вас не для того, чтобы вы выясняли отношения, — отец опустился на место и пролистал несколько досье. — Я посмотрел дела, от которых ты отказался, Ахилл, и не согласен с твоим решением.

Конечно, он не согласен. Ведь нам необходимо перерезать половину человечества, чтобы не потерять ни цента.

— И еще мне не совсем понятны расходы на охрану… — протянул он. — Разве союз с Делла Морте не может закрыть нашу потребность в людях?

Я откинулся на спинку кресла и постарался посмотреть на отца так, чтобы даже в одном моем глазе отразилось все презрение.

— Во-первых, наш союз с Делла Морте такой же хрупкий, как этот чертов дом. Во-вторых, людям Делла Морте тоже нужно платить, представляешь?

В меня полетел нож, но за годы жизни с этим человеком мои инстинкты были лучше, чем у Маугли, прожившего с

---

[6] Arketó (греч.) — «хватит»

хищниками в одной пещере. Лезвие вошло в спинку кресла и с треском разрезало кожу.

И почему все имели эту раздражающую привычку метать в меня острые предметы? Включая мою милую невесту.

— Ты забываешься, мальчик, — прорычал отец. — Может, я и не так силен, как прежде, но я все еще глава этой семьи. А теперь смени тон, иначе этот нож найдет твой второй глаз.

Первого, видимо, ему было мало.

На меня давно не действовали эти угрозы в стиле дешевого боевика. Я даже не моргнул, когда одним движением достал нож и прокрутил лезвие между пальцев.

— Попробуй, — спокойно сказал я. — Только моя меткость давно лучше твоей.

Отец сверлил меня взглядом еще несколько секунд, потом медленно опустился обратно в кресло. Кашель снова сотряс его тело, и на этот раз Гелиос молча подвинул к нему стакан воды. Отец сделал глоток, открыл одну из папок и толкнул ее в мою сторону. Я даже не стал ее брать.

Мне было известно, что там заказ на главного прокурора Нью-Йорка. И мои лобные доли созрели достаточно, чтобы понимать, что это чертова ловушка. В том штате орудовали федералы, которые пытались поймать за яйца даже Энцо.

Отец сверлил меня взглядом на протяжении долгих минут.

— Делла Морте, — произнес отец, как приговор. — Со-

юз, который ты так презрительно называешь «хрупким», — единственное, что сейчас держит нас на плаву. Картель давит с юга, федералы нюхают уже слишком близко, а ты отказываешься от заказов, которые могли бы закрыть дыры в бюджете и нашей обороне.

— Я отказываюсь от заказов, которые делают нас мишенью номер один, — ровно ответил я. — Или ты уже забыл, чем закончилась история с тем мексиканцем в прошлом месяце? Я напомню: трое наших людей стали удобрением для роз бабушки Аллегры, которые, к слову, не растут.

Это та самая клумба. Возможно, дело в том, что там уже чуть ли не братское захоронение. Черт его знает.

Гелиос тихо хмыкнул, но промолчал. Отец проигнорировал оба наших замечания.

— Лавиния Делла Морте должна стать твоей женой немедленно. Это не обсуждается.

Я медленно выпрямился.

— Повтори.

— Не думал, что у тебя проблемы со слухом, сын мой.

В приступе ярости я медленно выдохнул и скользнул языком по зубам, которыми хотел перегрызть кому-нибудь глотку.

— Мы не можем настаивать на официальном бракосочетании сейчас. Нам с трудом удалось уговорить Энцо заключить этот союз хоть на каких-то условиях. Он взбесится, если мы начнем настаивать на свадьбе.

— Если он не предоставит нам своих людей, мексиканцы начнут наступать на нас.

— Именно поэтому я с умом выбираю заказы! — взорвался я. — А ты бездумно берешь все подряд, и потом мы все носим мишени на спине.

— И я все решил, не так ли? Теперь у нас есть Делла Морте. Ты возьмешь эту девчонку, они дадут нам людей, парочку территорий и гарантии, что картель к нам не сунется ближайшие лет пять, а то и больше, учитывая репутацию Энцо.

— Просто послушай себя, — покачал головой я. — Ты говоришь, как мафиози, хотя Аргиресы никогда не…

— Что никогда не? Не убивали? Не завоевывали территории? Не доказывали свое влияние в преступном мире? — саркастически рассмеялся отец.

Я медленно поднялся, пока кровь стучала в висках так громко, что я не слышал собственного голоса.

— Аргиресы всегда были наемниками. Чистыми. Точными. Умными, черт побери. Мы брали заказ, выполняли его и исчезали. Без лишних тел, без территорий, без этих «семейных союзов» и брачных контрактов, будто мы какие-то сицилийские бароны из прошлого века.

Я ударил ладонью по столу. Чернильница и папки подпрыгнули, одна упала на пол, но отец даже не моргнул. Только смотрел этим своим проклятым взглядом, в котором до сих пор жила лишь ненависть к миру.

— А ты превратил нас в дешевую пародию на мафию. Хва-

таешь любые заказы, лезешь в чужие войны и покупаешь территории, которые потом приходится поливать кровью твоих же детей. Кровью твоей дочери, которую держали в плену из-за того, что ты был слишком жаден.

Гелиос тихо произнес мое имя, но я его не слушал. Ярость жгла изнутри так, словно кто-то плеснул бензином прямо в грудную клетку.

— Наемник отличается от мафиози тем, что у него есть правила. Он не тащит семью в огонь ради чужой войны. Он не делает из собственного дома мишень. Он не заставляет сына убивать из жадности. А мафия жрет все, как голодный зверь. Территории, деньги, людей, даже собственных детей. И ты уже давно выбрал именно этот путь, отец. Ты выбрал быть Аресом Аргиресом — больным королем разваливающегося замка, который готов сжечь все, лишь бы еще чуть-чуть подержать корону.

Я наклонился ближе, практически касаясь носом его морщинистого бледного лица. Голос стал тише, но от этого еще более ядовитым.

— Я хочу, чтобы Аргиресы снова стали острыми и независимыми. Чтобы нас боялись не потому, что у нас есть чужая армия за спиной, а потому что каждый, кто решит пойти против нас, знал: он не выйдет живым. Я хочу, чтобы Никс не приходилось доказывать, что она достойна сидеть в этом кабинете. Чтобы Гелиос не спивался по утрам, глядя, как ты разваливаешь все, что еще можно спасти. И чтобы однажды

мне не пришлось встретиться с пулей, которая летит в мой висок.

Мысль о том, что нам нужен союз, впервые высказал именно отец. Мы рассматривали другие семьи, но когда Делла Морте «воскресли» для всего преступного мира, отец был неумолим в том, чтобы объединиться с ними.

Я долго сопротивлялся, но стоило мне увидеть Лавинию Делла Морте с ее коллекцией едких фраз и диких взглядов, как решение было принято.

Она выглядела, как запретный плод, в который я мечтал вонзить зубы. Вся моя жизнь была монохромом, а Лавиния впервые за многие годы стала яркой вспышкой.

Калейдоскопом цветов.

И я хотел изучить каждый оттенок просто чтобы понять… почему она не живет в черно-белом, если ее мир, как и мой, полон смертей.

Я не влюбился в нее с первого взгляда. И даже со второго. Так же, как и не смог убить.

Мои чувства к ней были такими же смертоносными, как ее наточенные ножи.

Лавиния Делла Морте сидела у меня в голове, как заноза, загнанная под ноготь. Я ловил себя на том, что вспоминаю ее голос в самые неожиданные моменты. Когда чистил оружие. Когда ждал цель в темноте. Когда слушал, как отец снова раздает приказы из своего разваливающегося трона.

Мне хотелось ее уничтожить просто потому, что она раз-

дражала меня своим существованием. Но я не мог этого сделать, ведь предложил ей стать моей женой.

И теперь отец решил, что это должно произойти быстрее, чем планировалось, чтобы я наверняка сошел с ума, потому что впервые в жизни не могу сконцентрироваться на чем-то больше пяти минут.

Лавиния мешала оставаться собранным. Мешала думать только о работе. Мешала быть хладнокровным существом, которым я так гордился.

— Не нужно таких драматичных высказываний, Ахиллес, — взмахнул рукой отец, вырвав меня из мыслей, где господствовала Лавиния. — Ты утрируешь наше неважное положение дел.

Да, конечно. Потому что только я знаю наше *реальное* положение дел. Ведь последнее время все дерьмо, заработанное годами бездумных убийств по всему земному шару моим отцом, разгребал именно я. Финансы вел именно я. И даже чертову сиделку нанимал ему именно я.

Я выпрямился. Руки дрожали от едва сдерживаемой злости. Мне просто хотелось сжечь этот чертов дом вместе с его обитателями.

Ладно, Никс я бы забрал. Гелиоса тоже, даже если он раздражал меня чаще, чем одни и те же песни по радио.

— Свяжись с Делла Морте, — отец постучал по столу. — После выступления Романо на благотворительном вечере Торна нам всем нужно обдумать следующие шаги. Уверен, у

Энцо есть пара мыслей.

Я ненавидел, когда отец вмешивался. Когда его самочувствие было плохим, то у него просто не было сил лезть в порядок и дела семьи, поэтому удавалось действовать так, чтобы хоть как-то удерживать эту тонущую лодку на плаву. А сейчас он вдруг решил снова играть в бога. Сидит, кашляет кровью и раздает приказы.

— Кстати говоря, может, нападение Романо и сыграло нам на руку… — задумчиво почесал подбородок отец. — Ведь что может быть лучше для быстрого заключения брака, чем нападение нашего общего врага?

Я с силой воткнул в стол нож, брошенный в меня.

— Я сказал, что женюсь на Лавинии, и сделаю это. Но не потому, что ты приказал. — *А потому что мне не нравится, когда ее душат какие-то ублюдки*. — А потому что я еще не готов увидеть, как ты окончательно похоронишь нас всех.

Со дня резни на благотворительном вечере меня не покидало странное чувство. Что-то было не так, но я никак не мог найти зацепки, позволяющие высказать предположения. Люди Романо действовали так, будто ощущали себя дома, и это мне не нравилось.

— Но запомни, старик… если я почувствую гнилой запах предательства хоть от кого-то, я первым перережу горло тому, кто решил меня обмануть. Даже если это будешь ты.

Мысль о том, что Делла Морте могли иметь какие-то договоренности с Романо, приходила ко мне в голову, однако

стрельба в Бьянку была слишком рискованной. Энцо не пошел бы на этот шаг, даже если ему на блюдечке преподнесли бы мою голову и это избавило его от союза с Аргиресами.

Даже если Коза Ностра что-то и задумала, то я мог бы использовать этот брак. Выжать из Делла Морте максимум, а потом, когда союз выполнит свою функцию, спокойно закончить то, что не смог сделать однажды.

Убить ее.

Чтобы она наконец-то оставила меня в покое. Это была одержимость палача, который слишком долго смотрел на свою жертву и в какой-то момент понял: она смотрит в ответ.

Каждый раз, когда я представлял, как нажимаю на курок, перед глазами вставала та самая вспышка. *Калейдоскоп.*

Глава 8
Ахиллес

Я оказался в аду по-итальянски.

Только так мне удавалось описать то место, куда пригласил меня Энцо.

В этом доме кричали все, начиная со старушки, которая могла дать фору чемпионам по скандинавской ходьбе, и заканчивая проклятым псом, не перестающим лизать мою руку.

— Отстань, — выдавил я сквозь зубы и в сотый раз вытер руку об штаны.

Этот неуклюжий щенок проигнорировал меня и начал тыкать влажным носом в мою ногу. Господи, почему это должен быть я?

Почему Гелиос не мог породниться с этой ненормальной семьей? Или Никс, на крайний случай. У нее явно было больше навыков коммуникации. Я ненавидел шум. Ненавидел эту квинтэссенцию ароматов домашней еды. Ненавидел смех, которым полнился этот дом и от которого у меня закладывало уши.

Ответ, почему никто другой из Аргиресов не мог заключить союз, был очевиден. Потому что Лавиния Делла Морте

была только моей.

— Tu, stupido bambino, esci dalla mia cucina![7]

— Но я хочу печенье!

— А я хочу стриптизера в торте, и что дальше?

— Нонна!

Они всегда говорили так, будто их должны услышать на другом полушарии Земли?

Все мое существо отказывалось находиться здесь. Кожа зудела от через чур теплого воздуха. В животе урчало от аромата какой-то выпечки, хотя я даже не был голоден. Что за черт? Глаз щурился от противного света. Зачем им вообще столько люстр и бра? Не говоря уже о том, что на дворе был день. Половина мира экономило электричество, но не эта семья.

Я поморщился, продолжая стоять в прихожей, где компанию мне все еще составляло слюнявое существо, пока мимо меня туда-сюда ходила вся династия Делла Морте. Кроме нее.

Ее голос доносился со стороны кухни, но она так и не вышла, хотя знала, что я здесь, потому что Октавия Делла Морте, или, как они называли ее, «Нонна», сообщила всему штату:

— Лавиния, твой жених отказывается надевать тапочки!

Последний раз я носил тапочки, когда мне было пять. В

---

[7] Tu, stupido bambino, esci dalla mia cucina! (итал.) — «Ты, глупый ребенок, убирайся из моей кухни!»

нашем доме в них ходила только Никс, а остальные топали по холодному мрамору в той же обуви, в которой наступали в лужи крови.

Пес снова лизнул мою руку, я угрожающе посмотрел на него сверху вниз, но тот лишь сильнее завилял обрубком хвоста.

— Я не играю с тобой.

Он подпрыгнул и тявкнул.

— И не разговариваю.

Щенок снова подал голос, доказывая, что я уж точно не молчу. Я потер лоб, покрывшийся испариной. Тут было жарче, чем в недрах земли. Я терпеть не мог жару, это наводило на меня болезненные воспоминания и удушье.

Просто переживи эту встречу и отправляйся в свою одинокую холодную квартиру, где стоит мертвая тишина.

Разговоры на итальянском доносились с разных концов особняка. Я уже сбился со счета, сколько людей прошло мимо меня. Они все жили здесь? Это казалось дикостью. Они что, были чертовым племенным народом?

Наконец-то со стороны, где полагал, находилась столовая, вышел Энцо.

— Ты можешь работать у меня дворецким, если тебе так нравится стоять в прихожей, — он сложил руки на груди поверх наплечной кобуры.

Я впервые видел его без костюма, и скорее всего причиной тому было то, что его только сегодня утром выписали из

больницы.

Мой взгляд обвел его шею с повязкой.

— Поздравляю с тем, что ты не умер.

Энцо пожал мою протянутую руку без особого энтузиазма, но я и не рассчитывал на радушие, учитывая, что из общего у нас было только тяга к огнестрельному оружию. И его сестре.

Неугомонный пес подпрыгнул и, поскользнувшись на паркете, плюхнулся на задницу. Энцо долго смотрел на него, словно боролся с эмоциями, а потом качнул головой.

— Это Ромео. Собака.

— Радует, что ты разбираешься в животных, Делла Морте.

Он закатил глаза и присел, чтобы погладить Ромео.

— Бьянка и Лавиния уговорили меня. Он не должен был появиться в этом доме, но… кажется, неплохо вписывается в интерьер?

Я оглядел пространство, хотя уже давно рассмотрел каждую деталь.

Привычка сканировать помещение на наличие угроз никогда не оставляла меня, даже когда вокруг не было ничего опаснее слюнявого щенка добермана.

Дом Делла Морте оказался полной противоположностью нашего. Здесь не скрипели половицы, не пахло сыростью и старыми сигарами. Внутри особняка витал аромат свежеиспеченного хлеба, кофе и красного дерева. Местами полы бы-

ли устланы дорогими коврами с потертостями от времени, а на стенах с шелковистыми обоями висели картины с пейзажами Италии.

Все детали дома, может быть, и не были новыми, но за ними явно следили. Треснувший плафон на люстре, где не было ни пылинки, был тому прямым доказательством.

— Он вписывается, — сухо ответил я, глядя, как Ромео снова тычется носом мне в штанину.

Энцо хмыкнул и выпрямился.

— Ты сказал, что это важно. Мне позвать Лав?

— Отец хочет ускорить свадьбу, — сказал я без предисловий. — Нам необходимо заключить брак.

Пальцы Энцо на секунду сжались в кулак, но он быстро разжал их.

— Заключить брак, — повторил он тихо, но с таким же успехом мог выкрикнуть. — Ты серьезно?

— Я серьезно не хочу, чтобы ты думал, что мне вдруг захотелось пошутить.

Энцо долго изучал меня взглядом.

— Я знаю, что многим обязан тебе за помощь на благотворительном вечере. Но оплата в виде моей семьи не та, на которую ты можешь претендовать. Лавиния согласилась на этот брак на своих условиях. И одно из них — время.

— Времени больше нет, — отрезал я. — Нападение Романо показало нам, что мы у него на прицеле.

Энцо стиснул челюсти и размял шею. Ему не нравилось,

что в его доме я выдвигаю какие-то требования. Это можно понять, но меня никто не учил дипломатии, поэтому все, что я мог, — это требовать, шантажировать и убивать. Я был чертовым булыжником с неотесанными краями.

А рядом с Лавинией и вовсе выглядел как неандерталец, только-только научившийся мычать. Из всех женщин, которые у меня были, она оказалась самой умной и грациозной, даже если ругалась похлеще моряков.

В этот момент со стороны коридора раздались легкие и чуть нервные шаги. Я узнал их раньше, чем увидел ее.

Лавиния появилась в черных джинсах и простой белой футболке. Волосы были собраны в небрежный хвост, а на шее все еще виднелись едва заметные следы от чужой хватки. Она шла босиком. Снова.

Веки Лавинии, как и всегда, украшали яркие тени, а губы — помада. Сегодня оттенки перетекали из темно-вишневого в фиолетовый. Когда ее взгляд встретился с моим, воздух в прихожей стал тяжелее.

— Ахиллес, — произнесла она, притворно удивившись моему присутствию.

Дайте ей кто-нибудь «Оскар», женщина явно старалась не подавать виду, что наблюдала за мной из-за угла. Я оказался на прицеле ее светло-зеленых глаз, которые могли с таким же успехом быть дулом пистолета.

— Лавиния.

— Ты в моем доме, — она вздернула острый подбородок

и скрестила руки на груди точно так же, как раньше сделал ее брат.

— Твой дом похож на общежитие.

— Я не видела твой, но могу предположить, что скорее всего это гробница.

Я прикусил губу изнутри, почувствовав в груди резкую вибрацию, похожую на смех. Лавиния слишком точно описала атмосферу моего дома, хотя даже не была там.

— Я как-нибудь приглашу тебя туда. Думаю, ты подружишься с летучими мышами.

Позади меня Энцо предупреждающе прочистил горло, и я ощутил его разъяренное дыхание на затылке:

— Одно неверное слово, и ты станешь моим новым ковриком в прихожей, которая тебе так понравилась. Следи за языком, Аргирес.

Он мог пойти в задницу. Мои отношения с моей будущей женой — не его чертово дело. Не говоря уже о том, что его сестре уж точно не нужна была помощь в словесных дуэлях.

— Или им станет кто-то из твоей родни, если ты не уберешь ствол обратно в кобуру, — скучающе произнес я. Мне не нужно было иметь третий, или в моем случае второй, глаз на затылке, чтобы знать об пистолете в его руке.

Да уж, этот союз действительно не отличался крепостью морских узлов.

Энцо отступил, когда Лавиния бросила на него взгляд через мое плечо и подняла ладонь, давая понять, что в силах

надрать мне задницу самостоятельно. Чего я ждал с большим нетерпением.

— Когда закончите мысленно убивать друг друга в моей прихожей, то жду вас за столом.

Энцо исчез за двойными дверями столовой, но оставил их приоткрытыми на случай, если я вдруг решу пристрелить Лавинию на территории Коза Ностры и подписать себе смертный приговор. Я может и отвечал насилием на насилие в перепалках с Энцо, но не был глуп. Меня окружали вооруженные до зубов солдаты от ворот до, скорее всего, подвала, где истекал кровью какой-то бедолага. Так что любая ошибка в этом доме закончится моей скорой кончиной в независимости от моих навыков самообороны.

Лавиния шагнула ближе, и ее дорогой горьковатый аромат проник в легкие, как дурман. Пульс бился на ее шее, а по ключицам поднимался румянец, который всегда появлялся, когда она начинала злиться.

— Осторожнее, Аргирес, — тихо произнесла она с жаждой крови, пропитывающей каждый слог. — В этом доме за угрозы обычно отвечают пулей или ножом в жизненно важные органы. Я пока не решила, какое у меня настроение.

— А я пока не решил, позволю ли тебе дотянуться до оружия, — отозвался я тем же тоном, а потом склонился ближе и прошептал на ухо так, чтобы слышала только она: — В конце концов, теперь я знаю, как именно лишить тебя дыхания.

Глаза Лавинии нервно забегали, а грудь стала вздыматься

намного чаще, хотя она изо всех сил пыталась скрыть то, как я на нее влияю. Ей потребовалась минута, чтобы вновь опустить щиты. Ее губы дрогнули то ли в улыбке, то ли в оскале. Она ткнула пальцем мне в грудь с такой силой, словно хотела наколоть мое сердце на свой ноготь.

— Ты стоишь в моем доме, Ахиллес. Один. Без семьи. Без своих снайперов на крыше. И все еще думаешь, что я та, кому можно угрожать?

Я поймал ее запястье раньше, чем она успела убрать руку, и плотно сомкнул пальцы на бархатистой коже. Мы оба чуть не зашипели и не отпрыгнули от соприкосновения. Тело вибрировало так, прямо в мою ладонь ударила молния. Лавиния прикрыла веки, но не пыталась вырваться, а наоборот — подалась ближе. Ее дыхание коснулось моей шеи.

Внутри меня потрескивали раскаленные угли, но следующие слова удалось произнести безразлично и холодно:

— Думаю, что смог бы справиться с самой могущественной армией, если бы это означало, что ты станешь моей женой именно тогда, когда *я* захочу.

Я не был глуп и знал, что Лавиния все это время стояла в коридоре и подслушивала наш с Энцо разговор. Именно поэтому она появилась такой разъяренной и с жаждой убийства в своих красивых глазах.

— Тогда слушай внимательно, — прошипела она. — Если ты думаешь, что можешь просто явиться и объявить, что я стану Аргирес в ближайшие месяцы, то ты глубоко ошиба-

ешься. Я согласна на этот брак. Но условия ставлю я. Время утверждаю я. И если ты или твой умирающий папаша попробуете ускорить процесс без моего согласия, я лично прослежу, чтобы твоя *настоящая* семейная гробница расширилась до еще одного жильца.

Мы стояли так близко, что мне с трудом удавалось сохранять контроль. Ее пульс манил меня вонзить зубы в тонкую шею. Попробовать на вкус ее оливковую кожу. Вдохнуть ее аромат. Я становился диким, как животное, которое только-только выпустили на свободу.

— Угрожаешь убить меня в собственном доме, Делла Морте?

— Нет, — она улыбнулась так красиво и холодно, что я не смел дышать. — Я обещаю. Есть разница.

Кто-то присвистнул со стороны коридора, ведущего в кухню, и мы отскочили по сторонам, резко ощутив, как плотно прижимались друг к другу.

Лавиния размяла плечи, словно не могла избавиться от напряжения, сковавшего тело, и пару раз моргнула. Я скользнул языком по губе, наслаждаясь тем, что смог вывести ее из себя. Возможно, это станет лучшей частью моих дней, когда мы поженимся.

— Оказывается, за вами не так уж противно наблюдать. Черт… — Дарио почесал подбородок, привалившись к стене. — Это даже весело. В следующий раз приглашу Рафа, ему должно понравиться.

Насвистывая и прокручивая пистолет на указательном пальце, он направился к выходу, намеренно проложив путь между мной и Лав. Я заметил кровь на манжете его рубашки. Дарио проследил за моим взглядом и ухмыльнулся:

— Варенье. Направляюсь в подвал проверить вино. Хотите со мной?

Я посмотрел на него как на идиота, каким он и был, судя по всему.

— Ваша потеря, — он пошел дальше, и как только дверь захлопнулась, громко запел:

— Una mattina mi son svegliato,
O bella ciao, bella ciao
Bella ciao, ciao, ciao
Una mattina mi son svegliato
E ho trovato l'invasor
O partigiano, portami via
O bella ciao, bella ciao
Bella ciao , ciao , ciao [8]

Не дом, а чертова психбольница.

Лавиния никак не отреагировала на сольный концерт своего кузена и направилась в сторону столовой, пока щенок семенил за ней. Делла Морте была бы не Делла Морте, если бы не оглянулась и надменно не бросила:

— И да, Аргирес, надень тапочки или проваливай.

---

[8] Una mattina mi son svegliato… (итал.) — фрагмент итальянской народной песни «Bella ciao»

Глава 9
Лавиния

Нам в детстве часто задают вопрос: «Какой суперспособностью ты хочешь обладать?». Я давно не ребенок, но отвечу.

Убивать одним лишь взглядом или иметь хотя бы лазерный луч в зрачках, чтобы превратить Ахиллеса Аргиреса в кучку пепла на нашем стуле с обивкой из гроденапля.

Сегодняшний день должен был быть прекрасным: я бы потягивала вино на качелях во дворе, наслаждаясь редким солнечным днем наступившей осени. Но нет, этому придурку нужно было все испортить.

Словно мне было мало того, что его одноглазое лицо мелькало всякий раз, стоило мне закрыть глаза, так он еще и появился лично. Весь такой раздражающий и самодовольный до трясучки. *Еще больше негативной окраски, девочка, ты сможешь.*

Этот дом являлся нашим семейным очагом, и даже если я не жила тут на постоянной основе, имея квартиру в центре Чикаго, все равно питала нежные чувства к этому месту, и мне не нравилось, что Ахиллес ступил своими берцами на мой паркет. Даже если в итоге все равно надел тапочки.

Губы расползлись в коварной улыбке, когда я почувство-

вала себя прямо-таки супергероем, хотя всего лишь немного одомашнила наемного убийцу.

Особняк Делла Морте был не просто центром притяжения семьи, и не думаю, что Ахиллес до конца понимал, какой чести удостоился. За этим столом сидели только самые близкие и приближенные люди. А годами после смерти родителей, которых убила его проклятая семья, и вовсе никто не сидел, потому что дом пустовал, как забытый корабль в гавани.

Знаю, что этим приглашением Энцо пытался укрепить союз и выразить Ахиллесу благодарность за спасение жизни Бьянке и мне, но я все равно испытывала странные чувства. То же самое со мной происходило, когда в доме появилась Бьянка.

Меня буквально тошнило от того, что она могла сидеть со мной за одним столом, когда в ней текла кровь человека, решившего, что мне не нужны мать и отец.

Энцо был более эмоционально стабилен, чем я. Может, дело в возрасте, а может, в статусе. Как дон Коза Ностры он оставался более расчетливым и прагматичным, даже если источал жестокость, как переносная злобная электростанция.

Я же все еще путешествовала от крайности в крайности и от бешенства к бешенству. Мне потребовалось больше времени, чтобы принять Бьянку, даже если головой я понимала, что она всего лишь жертва в преступной шахматной игре своего отца.

Ахиллес не был жертвой. Он со своими родственниками стал руками, инструментом уничтожения моей семьи. Энцо считал, что нужно наказывать не палача, а короля, отдающего приказ на казнь. Именно поэтому убил Торна, а Аргиресов помиловал и переманил на свою сторону.

Еда на столе оставалась не тронутой, хотя пахла так, что слюни текли даже у Ромео. Я закатила глаза и протянула Ахиллесу блюдо с пармиджано. Он посмотрел на него с подозрением.

— Я не стану тебя травить баклажанами своей бабушки, Ахиллес.

Энцо, будто в подтверждение этого высказывания, наколол на вилку еду и проглотил, сдержав смех.

— И все же, я не голоден, — ровно произнес Ахилл, даже не сделав глоток воды.

Что с этим мужчиной не так? Ну в смысле, я в курсе, что у него явно не все в порядке с головой, однако сейчас он выглядел отстраненнее, чем обычно. Казалось, что даже воздух в моем доме вызывал у него удушье.

— Я отследил след Романо вплоть до Канады, — начал Ахилл, перейдя к делу. — У него большие потери, но он никогда не беспокоился о своих людях настолько, чтобы устраивать работу над ошибками и заниматься перегруппировкой.

Энцо кивнул, проведя пальцем по столовому серебру.

— Он даже не вывез тела своих солдат.

— Я отправил ему посылку, не переживай. Парень, который душил Лавинию, доставлен к нему, скажем так… в разобранном виде, — закончил Ахиллес, и его голос звучал так спокойно, будто он говорил о доставке цветов, а не о расчлененном трупе.

Я сидела напротив него, поглаживая ногой Ромео, дремавшего под столом, и старалась не смотреть слишком пристально. Каждый раз, когда наши взгляды пересекались, в груди что-то неприятно сжималось. Мое тело еще не решило, хочет оно убить его или снова ощутить жар, поднимающийся от ступней к шее, стоило ему прикоснуться ко мне.

Энцо молчал, медленно прокручивая в пальцах серебряную вилку. Он часто так делал, когда думал.

Кстати, о том придурке, душившем меня.

Я прочистила горло, чтобы привлечь внимание. Стоило сказать об этом раньше, но время, честно говоря, было неподходящим. Надеюсь, Энцо не слетит с катушек. Аминь.

— Есть кое-что, о чем я не говорила.

Ахиллес и Энцо посмотрели на меня одновременно.

— На благотворительном вечере, когда человек Романо душил меня, — я неосознанно провела пальцами по шее, где все еще оставались едва заметные синяки. — Он сказал нечто странное прямо перед тем, как я разбила ему голову бутылкой.

Энцо расправил плечи и отложил столовые приборы.

— Что именно?

Я встретила взгляд брата, потом Ахиллеса, и произнесла тихо, но четко:

— «Ты нужна ему живой».

На несколько секунд в столовой стало абсолютно тихо, как после выстрела из пушек.

Потом Энцо резко отодвинул стул и встал. Ахиллес не двигался, лишь его пальцы, лежавшие на столе, медленно сжались в кулак.

— Повтори, — низким голосом произнес Энцо.

— Она сказала, что мы проебались и не смогли ее защитить, — подлил масла в огонь Ахилл.

— Basta! [9]— рявкнула я. — Я не это имела в виду.

— Почему ты не сказала раньше? Я бы отправил Романо фарш, а не суповой набор, — Ахиллес отодвинулся от стола так резко, что ножки стула заскрипели.

Я видела, как в его взгляде клубится жажда насилия. Это выглядело так мрачно и красиво одновременно, что я на мгновение потеряла ход мысли.

— Он прав, — Энцо указал на Ахиллеса и решительно кивнул. — Ты не подумала, что было бы неплохо сообщить, что тебя пытались украсть прямо у меня из-под носа?

— Нужно было это сделать до того, как ты чуть не скончался от кровопотери, или после? Может, в тот момент, когда твоя жена молилась за твою жизнь? О, или…

— Прекрати! — прогрохотали Энцо и Ахилл хором.

---

[9] Basta! (итал.) — «Хватит!»

О, так они теперь лучшие друзья или что?

Энцо ударил ладонью по столу.

— Ты не будешь сидеть тут и ехидничать, как какой-то обиженный подросток.

— Приди в себя, agápi mou, — Ахиллес завладел моим вниманием, произнеся это дурацкое обращение, которое я, к своему стыду, погуглила. — Мы на пороге войны, а какой-то ублюдок хотел сделать тебя разменной монетой, забрав к себе в пыточную. Если думаешь, что это гребаная шутка, то поинтересуйся у Никс на досуге, что входит в ол-инклюзив Романо.

— Я тут, не так ли? — сквозь зубы выдавила я. — И я все рассказала.

Мы погрузились в молчание. Ахилл продолжал взглядом сверлить дыру в моей голове, словно хотел прочитать мысли, как чертов циклоп.

— Без публичного кровного союза Лавиния остается самой удобной и ценной мишенью Романо. А после свадьбы она превратится в «ядерный чемоданчик». Любой, кто тронет ее, получит войну сразу с двумя семьями. Романо несколько раз подумает, прежде чем ввязываться в это.

— Он прав, — донесся знакомый голос со стороны.

Я оглянулась и встретила Нонну в дверном проеме. Она разгладила свой фартук с надписью «мой бронежилет» и прошла в столовую.

— Я редко вмешиваюсь в твои дела, но если ты хочешь

спасти ей жизнь, то тебе придется отпустить ее. — Нонна указала на Энцо пальцем. — Ты знал, что рано или поздно это произойдет. Ей уже двадцать один год, и она взрослая женщина. Либо запри ее в Неаполе, либо сделай так, чтобы с ее головы не упал ни один волос. У меня одна внучка, и я не хочу больше присутствовать ни на чьих похоронах. Только на своих, ведь я уже выкупила место рядом с Алонсо, он ждет. — Октавия Делла Морте оставалась женой дона Коза Ностры многие годы, поэтому могла бы занимать чуть ли не должность советницы, но вместо этого готовила альфредо.

Энцо долго удерживал взгляд Нонны, словно впитывал ее мудрость, нажитую годами в преступном мире.

— Мы согласны на свадьбу, — я чуть не подпрыгнула на месте, когда брат сказал это.

— Мы? Я напомню, что ты вообще не хотел, чтобы я выходила за него замуж! — возразила я.

— А я напомню, что на тот момент никто тебя не душил и не планировал утащить в лапы какого-то ублюдка.

Нонна поцеловала меня в макушку и перед тем, как уйти, прошептала:

— Будь хитрее, мужчины глупы, когда влюблены.

Я нахмурилась и посмотрела ей вслед, не понимая, к чему эти слова. Если она предполагала, что Ахиллес влюбится в меня, то у нее начался старческий маразм.

Не знаю, почему мы продолжали спорить с Энцо. Вопрос с браком был решен еще пару недель назад. Я сама согласилась

выйти замуж за Ахилла, но мне было важно, чтобы он не приказывал, когда мне нужно пойти к алтарю.

— Если Романо хочет меня живой —значит, у него есть план, — озвучила я то, о чем все явно думали. — И этот план, скорее всего, хуже смерти. Если скорая свадьба усилит нас, то так тому и быть.

Так-то. Сделаем вид, что я сама это решила.

Мне было важно дать понять, что Аргиресы — пешки, какими и всегда были, когда работали на таких людей, как Торн. Сейчас Ахиллес занимал лидирующую позицию, и мне это не нравилось. Видимо, наш брак никогда не будет скучным, хотя бы потому что мы вечно будем соревноваться, выясняя, кто главный.

— Ты переезжаешь в этот дом, и мы готовимся к заключению брака, чтобы весь преступный мир знал о том, что Делла Морте и Аргиресы едины, — заключил Энцо. — Только через мой труп ты продолжишь жить в своей квартире из зинтереста, где мимо двери ходят все кому не лень.

Я сжала переносицу и глубоко вздохнула.

— Пинтерест. Это называется пинтерест. И я не буду жить здесь.

Я любила этот дом, но Бьянка и Энцо строили здесь свою семью. Даже если днем особняк наполнялся людьми, то к вечеру все всегда уезжали к себе. Исключение составляла Нонна, но у нее было отдельное жилье на территории.

А я не настолько бессильная и беззащитная, чтобы жить с

бабушкой, спасибо. Даже если эта бабушка могла раскроить кому-то череп.

Энцо проигнорировал мое замечание и начал расхаживать по столовой, как тигр в клетке. Ахиллес сохранял неподвижность мраморной статуи, но его мощные плечи были напряжены, а челюсти стиснуты.

От него волнами исходила сдерживаемая агрессия, поглощающая кислород в этой столовой. На мгновение я даже подумала, что он вот-вот взорвется на месте, как динамит, но он глубоко вздохнул и холодно произнес:

— Безопасность Лавинии теперь не только твоя забота, Делла Морте, поэтому она переедет ко мне. — Он поднялся с места и посмотрел на меня сверху вниз. — Собирай туфли, дорогая, я даже освобожу тебе ящик.

Пока я готовила едкий ответ, чтобы оставить последнее слово за собой, Ахиллес двинулся к выходу и сказал на прощание:

— И да, прихвати тапочки.

Я убью этого придурка самым жестоким способом, который только придумаю, а потом приду на его похороны *в тапочках*.

Глава 10
Ахиллес

Голод.

Он двигал хищниками, когда они преследовали дичь, а потом вонзали зубы в горячую плоть. Инстинкты обмануть невозможно, если на генетическом уровне ты рожден, чтобы убивать.

Я не знаю, для чего рожден, но уж точно не для созидания, учитывая список людей, покинувших этот свет от моих рук.

Крупные капли дождя стекали по визору, превращая мир за ним в мутный аквариум, полный пираний. Таковым было высшее общество Чикаго, и сегодня мне необходимо убрать из него одного человека. Кто знает, может, остальным будет просторнее купаться в золоте?

Я припарковал мотоцикл в переулке в нескольких кварталах от «Ла Леноре» и, поправив за плечом кейс со снайперской винтовкой, начал взбираться по пожарной лестнице на здание.

Металл был скользким и холодным от дождя, но кожаные перчатки удерживали меня, как липкая паутина. Я передвигался быстро и четко, не давая себе времени на лишние мысли и бездумный осмотр территории с высоты птичьего поле-

та. Это не дало бы ничего, кроме потерянного времени. На последнем этаже я выбрал угол, откуда смог перепрыгнуть на крышу соседнего склада, где через узкий просвет между зданиями открывался прямой вид на панорамные окна ресторана.

Под аккомпанемент грозы, ставшей моей личной симфонией, разложил винтовку, присоединил глушитель и настроил прицел. Мир сузился до зеленого круга и перекрестия.

В сегодняшнем заказе не было ничего особенного.

Геральд Вудс, сын одного из чикагских акул, пытающихся поделить город. Что смешно, потому что он давно расчленен на органы преступным миром.

Вудс славился тем, что любил красивых женщин и качественную наркоту. Мой заказчик сохранял анонимность, но я знал, что Геральд станет лишь сопутствующим ущербом. Кто-то хотел отправить сообщение его отцу, крупному застройщику на рынке Чикаго. Видимо, он сунул нос на чужую территорию и не понимал намеков.

Я навел перекрестие на панорамное окно, где вот-вот должен был появиться Геральд, и стал ждать. Терпение вкупе с хладнокровностью стали моими ключевыми чертами характера. Я не родился с ними, мне их скорее… *привили.*

Методы воспитания Ареса Аргиреса отличались особой оригинальностью и творческим подходом.

Его кровь текла из самого Крита, поэтому он испытывал особенную страсть к древним грекам. Он не питал слабость к

философским учениям и мифам про героев и богов, считая это все сказками для слабаков.

Истинное восхищение у Ареса вызывали завоевания греков и их пытки.

В первый раз мне было девять. Я промахнулся на тренировке, и пуля ушла на два сантиметра левее мишени. Арес не кричал. Он просто взял меня за волосы, притащил в подвал и привязал к железному столбу. Потом достал тонкие кожаные ремни, пропитанные солью, и начал сечь. Без крика, гнева и хаотичных движений. Он медленно и методично «поглаживал» меня плетью. Каждый удар приходился на одно и то же место, пока кожа не лопнула. А потом он насыпал соль прямо в открытые раны и оставил меня там на всю ночь.

«Так спартанцев учили терпению. Так что в следующий раз не спеши стрелять».

Он никогда не воспитывал меня в ярости. Всегда говорил спокойно и даже давал объяснения, как будто преподавал урок истории на моей крови.

Я моргнул, возвращаясь в настоящее. Дождь барабанил по крыше, на которой я сидел. В прицеле по-прежнему пустовало. Геральд Вудс опаздывал, но, как мы уже выяснили, я был терпелив.

Я не хотел думать о ней, но снова делал это. Мне хотелось применить к себе одну из пыток отца, чтобы перестать изо дня в день размышлять о Лавинии. Она приходила ко мне во снах, мешая восстанавливаться, отчего на утро я был рас-

сеянным, как никогда в жизни. Ее ведьминский смех грохотал в моих ушах вместо музыки на утренних тренировках в спортзале. Я изводил себя тяжелыми весами и десятикилометровыми забегами, но это не помогало.

Мысль о том, что вскоре она начнет делить со мной одно пространство, вызывала во мне зуд, а возможно, и сыпь. Последний раз я жил с кем-то только в семейном доме. И убрался оттуда, как только смог. Мне не нравилось, когда личное пространство нарушалось. Так же, как и не нравилось делить с кем-то чертов шкаф.

Боже, этой женщине наверняка будет мало пары полок, верно? Для ее вещей потребуется гардеробная размером с провинцию в Африке.

Наконец-то дверь в вип-зал ресторана распахнулась, и показался Геральд. Я не успел обрадоваться тому, что наконец-то смогу полностью погрузиться в работу, как прицел скользнул в бок, и в нем возникло лицо, которое я хотел выжечь из своего разума.

Лавиния Делла Морте шла под руку с Геральдом и улыбалась так широко, что ее белоснежная улыбка могла ослепить. Я пару раз моргнул и поменял положение приклада, потому что не поверил в увиденное.

Какого черта она делала здесь? Разве она не должна сейчас в истерике собирать чемоданы и злиться? Видимо, нет.

Лавиния оказалась слишком занята тем, что ходила на… *свидания*? Глухое рычание зародилось в глубине моего гор-

ла, когда в прицеле мелькнула мужская рука, обвивающая тонкую талию *моей* невесты.

Голод, который я носил в себе во время убийств, внезапно стал другим. Более острым и личным. Неизведанное чувство пропороло грудь, выпустив вместо крови горячую ярость, растекшуюся по телу. Я никогда в жизни не испытывал подобного.

Никогда в жизни во время выполнения работы я не хотел изменить орудие убийства. Сейчас мне хотелось выбросить винтовку и схватить нож, чтобы Геральд ощутил силу, которую я вложу в каждый удар.

Я не был глупым и знал, что это гребаное противное чувство зовется ревностью. Она била сильнее, чем любая плеть Ареса.

Мне нужно было успокоиться и остыть. Однако кровь кипела все сильнее и сильнее. На мгновение показалось, что даже капли дождя с шипением превращаются в пар, стоит им коснуться моего лица.

Геральд с тошнотворной улыбкой отодвинул для Лавинии стул за столиком, и она опустилась на него, грациозно закинув ногу на ногу. Я должен был следить за своей жертвой, но вместо этого почему-то разглядывал тонкий золотой браслет на лодыжке Лавинии.

— Соберись, — пробормотал я и чуть не влепил себе пощечину.

Меня буквально затрясло, когда я осознал, какую власть

имеет надо мной эта женщина, раз может выбить меня из колеи, даже не находясь рядом со мной.

Я снова поправил приклад, размяв ладонь, которую удерживал на спусковом крючке. Перчатка скрипнула, и этот звук вернул мне хоть какое-то подобие контроля. Снова наведя прицел на голову Геральда, я начал выбирать такой ракурс, при котором выстрел не задел бы Лавинию.

Нужно было подгадать момент, когда он склонит голову чуть ниже, чтобы прочитать меню, и тогда я выпущу пулю, которая аккуратно пройдет через затылок. Кровь оставит красивый ареол на белой скатерти, но сохранит в чистоте платье Лавинии.

Я ухмыльнулся, когда ритм сердца стал замедляться, как это всегда бывало перед выстрелом. Сейчас на первом месте стояла работа, и Лавиния не могла…

Или все же, блядь, могла вцепиться в меня своими когтями.

Стоило увидеть, как Геральд оставляет поцелуй на ее запястье, как мир вокруг растворился. Я не осознавал, как разбирал винтовку. Не осознавал, как возвращался к мотоциклу. Не осознавал, как с ревом припарковался у главного входа, нарушая все существующие правила дорожного движения.

Я ощущал лишь добела раскаленную ревность, пожирающую меня.

— К сожалению, этот зал… — охранник подавился своей

слюной, когда увидел пистолет в моей руке. Он попытался достать электрошокер, но уронил его.

Я выждал ровно две секунды, а потом ударил его прикладом в висок. Странное умиротворение поселилось в моей груди в тот момент, когда двери распахнулись и глаза Лавинии сразу же нашли меня.

В отличие от своего ухажера, чуть не потерявшего сознание, она не подала виду, что удивлена моему появлению. Но я заметил, как расширились ее зрачки.

— Охрана! — завопил Геральд.

— Не ори мне в ухо, — проворчала Лавиния и устало закатила глаза.

Я схватил стул у соседнего столика, сел и расстелил на коленях салфетку, следуя этикету высшего общества, в котором находился.

На что только не пойдешь ради невесты.

— Твой охранник выбыл из игры на пару часов, — я двумя пальцами подозвал официантку, дрожавшую в углу. — Бутылку Sassicaia для дамы и виски для меня, — я бросил взгляд на Геральда, который никак не мог опуститься на свое место. — Тебе заказать молочный коктейль? Я угощаю.

— Заканчивай спектакль, — прорычала Лав. — Что ты здесь забыл?

— Свою невесту, — ответил я, наблюдая за осознанием, опускающимся на лицо Геральда.

— Т-т-т-т-т-ты… — Геральд отбивал чечетку своим язы-

ком, заикаясь. — Ты помолвлена с человеком, у которого один… *глаз*?

— Сама в шоке, — она ласково похлопала его по руке.

От чего мой единственный вышеупомянутый глаз дернулся.

— Но я думал, мы поедем…

— Что ты думал, Гериальд? Что приведешь меня в модный ресторан и я раздвину ноги? Ты даже не знаешь мое любимое вино. А он, кстати, бог знает почему, но только что его заказал, — она указала на меня пальцем. —Так что угомонись, мне просто нужна курсовая, которую ты сдал, а я нет.

Лавиния отвернулась от него и пригвоздила меня взглядом к месту. Конечно, именно я виновен в том, что она отстойная студентка.

Я знал, что Гериальд Вудс обучается в университете Чикаго, но упустил, что он может сидеть в той же аудитории, что и Лавиния. Сидеть и пялиться на ее ноги точно так же, как когда вошел в этот ресторан.

Что ж, больше не будет. Это не могло не радовать.

— Чувак, мне жаль. Я понятия не имел, что она помолвлена, — Гериальд поднял руки в знак капитуляции.

На заднем фоне в ресторане заиграла «Beggin» группы Maneskin, и я не смог бы найти лучшей песни для сегодняшнего вечера.

— Это не имеет значения, — я сделал глоток виски и даже с благодарностью улыбнулся официантке. Она поспеши-

ла оставить заказ, чтобы покинуть место будущего преступления.

Лавиния посмотрела на меня исподлобья и прошипела:

— Ахилл, не надо.

Геральд не обладал таким могучим умом, как моя невеста, хоть и умел писать курсовые, поэтому спросил:

— П-почему?

— Потому что мертвецам не нужно сожалеть о содеянном.

— Что ты имеешь в виду?

Я достал тонкое лезвие из потайного кармана в штанах, легко прокрутил его и метнул в горло Геральда. Кровь хлынула прямо на белую скатерть и сверкающий пол. Лавиния втянула воздух, но не от испуга. Боже, да я бы мог устроить тут техасскую резню бензопилой, и она бы не вздрогнула. Ее реакция была вызвана злостью. *Моим неповиновением.*

Я допил виски и поднялся с места.

— Никаких пуль. Все, как ты любишь, agápi mou. — Я наклонился к ее уху и заправил выбившуюся прядь волос, пока она потягивала вино. Мурашки пробежали по ее коже, вызывав у меня страстное желание еще раз прикоснуться к ней. — Считай это наглядной демонстрацией того, что случится с любым, кто притронется к тебе. Наслаждайся вечером, — я качнул головой в сторону тела Геральда. — И компанией.

Я вышел из ресторана, отдав своим людям приказ замести следы. В объятиях гнева мне пришлось нарушить множество

собственных правил. Одно из них — никаких следов и свидетелей. Другое — при личном убийстве я всегда спрашивал о последнем слове. Геральд не удостоился этого.

Позже, когда я на смертельной скорости умчался на другой конец города и встал под дождем на берегу озера Мичиган, пытаясь остыть, мне пришло сообщение от Энцо.

Делла Морте: *В следующий раз, когда ты решишь разбрасываться трупами на моей территории в присутствии моей сестры, я заставлю тебя оттереть до блеска все подвалы, имеющиеся в моей коллекции.*

Я: *Клининг в наши дни дорогое удовольствие?*

Делла Морте: *Она взбешена, как тасманский дьявол.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.